

Я. КАЛЬНИЦКИЙ и В. ЮРЕЗАНСКИЙ

*Вокруг света
в пятьдесят дней*

ПОВЕСТЬ

Юношеский сектор
издательства "Пролетарий"

Библиографическое описание и шифры для библиотечных каталогов на эту книгу помещены в журн. «Літопис Українського Друку» и «Карточном репертуаре» Украинской книжной палаты.

ГЛАВА ПЕРВАЯ КОМУ ДОСТАЛСЯ ЛОТЕРЕЙНЫЙ БИЛЕТ

На дворе попрыгивал мороз. Пар укрывал зори, а звуки звенели на морозе. В перерыве катали бабу, скользили по льду, швырялись снежками. На уроках вздыхали и тайком поглядывали на окна.

— Жу-жу... Жу-жу... — это учитель рассказывает о реках, что текут в далёких странах и впадают в неведомые моря.

— Жу-жу... Жу-жу...

А в окно просится белая зима, лезут белые солнечные пятна и старается вползти розовый пар.

— Жу-жу... Жу-жу...

— А Васька Колосов накатал здо-о-ро-о-ую гору... Эх, бы... на санках с неё!

— Панкратов!

— Я!

— О какой реке я только-что рассказывал?

— Э... э... о реке... вы рассказывали... о... о... о... реке... реке...

— Попрошу вас к доске! Укажите истоки Ганга и течение... Притоки знаете какие-нибудь?

Панкратов жмётся у доски. Ему стыдно. Он ничего не слышал и ничего не учил.

Учитель некоторое время внимательно смотрит на склонённую голову, потом обращается к классу:

— Ну, ребята, кто хочет выучить Колю?

И из глубины доносится чей-то звонкий, уверенный голос:

— Позвольте мне, Александр Степанович!

— Я так и знал... — говорит Александр Степанович, — кому

Типография издательства
«Пролетарий»,
1928

Упрлит 1928 Заказ 483 Тираж 4.000

же ещё, как не тебе, Микола? Ну, брат, иди, иди показывай, как течёт Ганг, откуда, куда, притоки...

Микола Омельченко у доски. Старательно водит он указкой по большой карте, ровно звучит его уверенный голос. Он называет местности, по каким течёт река, указывает, какое значение имеет она для того или иного края. Больше: указывает, в каких местах Ганг суходожен и где непроходим... По мере того, как мальчик углубляется в джунгли, голос его становится глуше, в глазах появляются огни, щёки загораются румянцем...

— Вот, Панкратов, — говорит удовлетворённый учитель, — учитесь. Берите пример. Вы знаете, что Микола сможет свободно ориентироваться в чужом краю.

География была самым любимым предметом Микола. Когда ему приходилось читать о природе и обычаях в далёких странах, сердце его начинало колотиться, болеть, и всё существо переполнялось какой-то тоской, сладкой и щемлящей.

Микола представлял себе эти чудесные страны, невиданных животных, диких и живописных жителей юга, суровых и терпеливых северян... Для него география не была наукой, существующей для того, чтобы отравлять жизнь, — нет, он в этой науке видел средство для общения с далёкими, неизвестными людьми: уроки переносили его за десятки тысяч вёрст. И немудрено поэтому, если Микола знал географию на зубок.

Колька Панкратов, наоборот, совершенно не интересовался географией. Он больше всего любил гимнастику. У него часто бывали деньги. Отец его работал где-то в Сибири и получал большой оклад. Скужающая мать баловала своего единственного сына.

Кольку никто не любил, его брали таким, как он есть, как интесную диковину и редкое явление в школьном обиходе. Но Миколу любили. Микола всегда мог ответить за себя и товарища поддержать. Его уважали даже учителя: он был очень начитан. Товарищи

любили слушать его рассказы о жизни индусов, арабов или самоедов. Половина стеной газеты всегда принадлежала перу Микола.

Отец Микола погиб на войне, и мать работала изо всех сил, чтоб учить его. И от убогости, от серых дней Микола всё больше и больше стремился к ярким краскам и фантастическим вымыслам.

Когда первый раз записывали на билеты авиалотереи, Микола на вопрос учителя только грустно покачал головой. У него не было полтинника на покупку билета. А Колька Панкратов гордо заявил:

— Пишите мне целый...

И потому, что лотерейный билет был недоступен, Микола стало казаться, что всё дело только в билете. И чем дальше, тем больше росла в нём уверенность, что будь у него билет, он обязательно выиграл бы кругосветное путешествие. Он не просил у матери, не жаловался ей, но готов был на любые жертвы, лишь бы приобрести заветный билет.

Целых две недели Микола отказывал себе в самом необходимом. Он поблещел, осунулся, но вся его экономия дала пять копеек. Больше он собрать не мог.

Прошли новогодние каникулы. Зима всё крепчала, и Микола начал основательно чувствовать прорехи в своей одежде. И чем холодней было бежать поутру в школу, чем гуще была дробь зубов, тем больше мечтал Микола об иных странах, об изумрудных степях, о таинственных и тенистых лесах, о вечном рокоте морского прибоя, о шумных и далёких европейских столицах.

Но пятака было недостаточно, чтобы увидеть всё это с помощью лотерейного билета.

«Вот если бы ещё сорок пять копеек! Только сорок пять! И весь мир открыл бы свои объятия Миколе»...

Дни шли своим чередом. Потянуло уже весенними ветерками, посерел снег, и стало особенно неудобно ходить без галош.

В школе работали напряжённой, готовились к проверке знаний.

Колька Панкратов сменил «Эсперо» на «Премимальные» и всё надеялся выиграть портсигар. Однажды он явился в школу с новейшей сенсацией.

— Прибыл Бенья Крик! — громко заявил Колька.

Не все школьники знали эту знаменитость, и поэтому со всех сторон посыпались вопросы:

— Кто? Какой Бенья Крик? В чём дело?

— Чудные... Не знают Бенью... Ведь Бенья, это — король! Бенья... Бенья...

Колька даже захлебнулся.

Микола следил за газетами и знал, что речь идёт о новой кинокартине. Когда он рассказал об этом товарищам, интерес к Кольке сразу пропал, но зато появился интерес к картине. Началась торговля, обмен. Каждый «комбинировал» мелочь на билет.

Колька Панкратов весь день был задумчив и зол. Он несколько раз выворачивал карманы, и всё безнадежней становилось выречение его лица. Наконец, во время последнего перерыва он объявил:

— Продаётся билет авиалотереи за полцены!

Капиталиста, способного выложить сразу четвертак, в школе не нашлось. Тщетно Колька снизил цену до двадцати копеек. Многие щупали билет, нюхали, гладили... Некоторые предлагали продать билет в кредит, до отцовской полочки. Но Колька не мог принять этих условий. Ему деньги нужны были немедленно, чтобы сегодня же купить билет в кино и завтра победоносно рассказать подробности подвигів Бени. Только двадцати копеек не хватало.

Школьный коммерсант и комбинатор Пупырко Гришка неожиданно пришёл на помощь Кольке.

— Чудак! — сказал он. — Почему тебе самому не устроить ло-

тереи? Бей лотерею лотереей!

Вдвоём они составили план, и Гришка выговорил себе двадцать пять процентов с барыша.

Скоро по школе прошла весть, что в пятой группе разыгрывается билет авиалотереи по баснословно дешёвой цене: одна копейка за билет. Колька с Гришкой скрыли, что такая дешёвка вызвана огромным количеством билетов. Коммерсанты выпустили их двести штук. Первоначальная цель раздобыть только двадцать копеек теперь отступила на задний план, и Колька увлёкся предприятием ради наживы.

— Двести билетов... Два рубля... триста процентов барыша!

Услышав о лотерее, Микола поднял голову. Он посмотрел на свой сиротский пятак, взвесил его в руке, пощупал и решил попробовать счастья в Колькиной подлотерее (так в школе назвали предприятие).

Вечером оба предпринимателя наслаждались зрелищем подвигів и приключений Бени Крика.

Но на этом сеанс не кончился, — после Бени показывали другую видовую картину. Города с большими, уходящими в небо многостаянными домами сменялись великими пустынями, где только пески и пески. Тундры и сибирская тайга чередовались с плодороднейшими тропическими странами.

Приятели сидели как зачарованные, напрягая своё зрение, чтобы ничего не упустить из виду.

В кармане их осталось ещё достаточно на коробку «Премимальных», на шесть ирисок и на коробку спичек. Это говорило о том, что большая половина лотерейных билетов была продана в первый же день.

В сумме растраченных в тот день Колькой и Гришкой капиталов был и Миколин затёртый пятак. Микола пробовал счастья. У него в кошельке лежало пять клочков бумаги — билеты с надписью:

ЛАТАРЕЯ... НА БИЛЕТ АВИАЛАТАРЕИ, МОЖНО ЛЕТАТЬ КРУГОМ
СВЕТА ЛИШЬ БЫ БЫЛО ДВА БИЛЕТА!

№ 174.

РОЗЫГРЫШ В СУББОТУ.

ЦЕНА ОДНА КОПЕЙКА НАЛИЧНЫХ, КРЕДИТ ПОРТИТ
ОТНОШЕНИЯ.

*К. Панкратов и Пуглыр-
ков Григорий Семёнович.*

Микола рассчитал, что если даже выиграет билет подлотереи, то у него остаётся всё же очень мало шансов на кругосветное путешествие, так как на два миллиона билетов авиалотереи только шестнадцать выигрывают кругосветное путешествие.

Когда товарищ Микола — Вася Голышёв — узнал о комбинациях друга, то заорал:

— Эй, хлопцы! Держите его за хвост!.. Держите, чертяку, а то улетит без оглядки!

Ему казалось, что Миколин выигрыш беспорен.

ГЛАВА ВТОРАЯ В ГЛУХОМ СЕЛЕ

В это время за две тысячи вёрст от Миколы Омельченко, в Пермской губернии, в глухом селе Ярушине, отталкиваясь правой ногой от земли, катился на ледяшке с горки Антошка Жуков, шустрый коренастый парнишка лет четырнадцати. На кругом спуске ледяшка разогналась, как ветер, и чуть не насочила на кошёвку Кузи Толоконцева, выкатившуюся из кривого переулка.

— Куда гонишь? Эй! — крикнул Толоконцев, останавливая от неожиданности лошадь. — Башку расшибёшь.

Но Антошка с мгновенной ловкостью свернул в сторону и с разгона врезался по пояс в снег.

— Загруз? — засмеялся Толоконцев и шагом направил гнедо-го мерина по откосу. — Вот и просидишь тут до вечера. А я, брат, из волости прямо чудеса привёз.

— В решете? — насмешкой на насмешку спросил Антошка, ничуть не смущаясь тем, что Толоконцев был секретарём сельсовета и притом старше его лет на десять.

— Что в решете? — не понял Кузя.

— Да чудеса-то.

— В решете, не в решете, а вот тут, в портфеле.

Толоконцев вытащил из сена полотняную сумку и любовно похлопал её тёплой шерстяной рукавицей.

— Вот тут и сидят...

— Обманываешь?

— Зачем обманывать? Приходи в сельсовет, — покажу.

Пока Толоконцев, настёгивая вожжами мерина, подымался в верхний конец села, Антошка выпугнулся из глубокого рыхлого снега, отряхнулся и, стуча ледяшкой по укатанной дороге, бросился догонять кошёвку. Но она была уже далеко.

В сельсовете сидело человек пять мужиков. От махорки под потолком стоял кромешный дым. Толоконцев с морозу даже чихнул, точно на занозу носом наткнулся.

— Ну и насмолили! — сказал он, отдуваясь от табачной горечи. — Прямо дымовая завеса, как на войне.

— А что делать? Сидим, покуриваем, тебя ждём. Сказывай новости!

— Новостей особенных нет. Лететь народ собирается.

— Лететь?

— Билеты такие вышли. Потеря будет разыгрываться. Выиграешь счастливый — лети кругом света. Надоело летать — садись в поезд-экспресс, надоело поездем — вали парходом. Как твоя душа желает!

У Антошки от любопытства загорелись глаза.

— Это как дед Назар прошлый год? — спросил он.

— Нет, брат, почице, — засмеялся Толоконцев.

При упоминании деда Назара мужики засмеялись тоже. Они ясно вспомнили, как в прошлом году первый раз за время существования Ярушина над селом зажужжал аэроплан, как он, подобно большому звенящему жуку, покружил и сел на лугу. Весь народ сбежался тогда к диковинной штуке. А с аэроплана слезли два человека в невиданных очках и предложили, не желает ли кто билет на воздух. Смельчаков не нашлось. Один только семидесятилетний дед Назар, на удивление селу, вдруг махнул рукой и заявил: «Поднимайте меня, товарищи. Всё равно век свой я отжил. Слеताю, аль помру — какая разница. А ежели шмякнемся мы отсюда, по крайности, хоть с музыкой похоронят...» Назар перекрестился и, неловко ступая оробевшими старческими ногами, уселся в кабинку. «Прощайте, православные, может, не вернусь», — поклонился он народу. «Очень просто», — жалостно сказал ему кто-то в напутствие: — «Ссадят тебя где-нибудь на облако, поминай тогда

как звали. Будешь сверху ногами побалтывать...» Но когда через двадцать минут, разрезая небо стальным ветром, аэроплан вернулся снова, побывав за это время в селе Кряжном, которое находилось в восемнадцати вёрстах от Ярушина, дед Назар категорически заявил: «Нет, братцы, теперь я помирать не согласен. Ещё годов сотню прожить хочу!»

Толоконцев с важностью достал из сумки пачку розовых лотерейных билетов. Они были похожи на новые деньги.

— Дешёвка! Полтинник штука, — улыбнулся он, хлопнув ладонью по билетам.

— А как узнать, который счастливый? — спросил Антошка, вспыхнув трепетным волнением.

— Ну, это как жребий падёт. Заранее ничего неизвестно. А ты, Антошка, полетел бы?

Антошка покраснел от смущения:

— А чего ж...

— Ну, давай полтинник. Делай почин.

Антошка смутился ещё больше.

— Что? Мелких нет? — засмеялся Толоконцев. — Иди, расстарайся где-нибудь. А я для тебя один билет оставлю.

— Нет, я хочу взять самый первый, — вот, что сверху лежит.

— Э тот? Пожалуйста. Оставлю первый.

— Ой, прогадаешь, Антошка! — ехидно прищурил левый глаз рыжий мужик Данила. — Бери из середки, верней будет.

— Нет, мне верхний, — упёрся Антошка.

— Смотри, не зареви потом.

— Я? Реветь? Пусть сначала рак свистнет.

Антошка задорно вздёрнул носом, круто повернулся и выбежал на улицу.

Мысли его были напряжены до чрезвычайности и сосредоточены на одном: где достать нужный полтинник, как завладеть биле-

том, который может дать совершенно необыкновенное, неслыханное счастье, какого никто не знал на сотни вёрст в окрестности, — всемирное, кругосветное путешествие?.. Сразу прихлынули все воображаемые картины, о которых рассказывал отец, побывавший и на войне, и в плену у немцев, прошедший потом красноармейцем все фронты — с севера до юга и с запада до востока. Возможность выиграть путешествие казалась настолько соблазнительной и заманчивой, что заслонила собой всё. И вдруг горячо ударило в голову, будто кто окно распахнул на вольный летний воздух: «Попрошу у дедушки Назара... У него есты! Копил же когда-то себе на гроб...»

Антошка бегом пустился по улице. Снег хрустел и звенел под его летучими ногами. Ледяшку, чтобы не мешала, он оставил во дворе сельсовета. Мелькали мимо заборы, окна, амбары, ворота. До избы деду Назара оставалось уже дворов десять, как вдали показалась толпа улюлюкающих ребят, гнавшихся за кем-то с гамом, криком, смехом и свистом, подобно стоголосой лавине охотничьих загонщиков. Антошка невольно остановился и скоро рассмотрел, что ребята, его соседи и приятели, дразнили желтолицего, худого китаяца, который во все стороны поводил своими испуганными косыми глазами, как заяц, который мечется в переполохе, не зная, куда спастись от преследования окружившей и наседающей своры борзых. В одной руке у него болтался завязанный в холстину свёрток с товарами, другой он ожесточённо отмахивался от орущих и издающих преследователей.

— Ребята, что вы! — остановил их Антошка.

— Да ходя больно смешной. Иди, протонку ему хорошую сдаем! Иди скорей.

— Бросьте!

— Э, размазня! Шпыняй китаёзу, шпарь желторожего снегом! Держи его! А-ля-ля-ля... А! А!

— Да вы, никак, ошалели? — зазвенел Антошка вспыхнувшим

голосом. — А если вас так травить? Хорошо будет?

Ребята с недовольным смущением сдержали свой азартный бег. Некоторые стыдливо засторонились глазами.

— А ну его к лешему! — крикнул кто-то не совсем уверенно.

— Эх, что Толоконцев из волости привёз! — интригующе загалгал Антошка и, когда его обступили любопытствующим кольцом, начал торопливо рассказывать про билеты.

— Ерунда! — отрезал Егорка, самый заядлый озорник из ярушинских мальчишек. — Никому никакого путешествия не достанется.

— Почему же? — строго осадил его Антошка.

— Для выигрыша талан надо иметь или слово секретное знать.

— Ну, сказанул тоже! Ещё, может, к знахарю пойти?

— Может, и к знахарю.

— Ха-ха-ха!.. — рассмеялись ребята. — Из каких лесов ты приехал?

— А вот увидите, — уже потеряв задор, хмуро вздёрнул подбородок Егорка.

— Увидим! — крепко и убеждённо ответил Антошка, как борец, надеющийся на свои силы. — Я верю.

Он побежал дальше, а часть ребят шумной гурьбой направилась в сторону сельсовета.

Дед Назар тащил на плечах вязанку соломы с гумна, когда Антошка забежал во двор.

— Дедушка, я к тебе с просьбой... — робко начал он первый в своей жизни ответственный и самостоятельный денежный разговор. — Дай мне займы полтинник.

— Полтинник? Тебе?

Старческие глаза деду Назара даже округлились от неожиданности.

— А ты что за герой, что на мой стариковский полтинник целишься?

Антошка горячо заговорил о потере. Дед добродушно прояснился и с живейшим интересом стал слушать о заманчивой новости.

— Где ж я тебе возьму полтинник? — сказал он, наконец. — Они у меня не растут. Огурцы летом садил — выросли, а полтинников, милочек, ни на какой грядке не найдёшь.

— Да ведь у тебя на гроб были припасены?

— Тю! Махнул куда... Так ведь то похоронные. Их трогать нельзя.

— Дедушка... — замылся Антошка. — Ты же отказался помирать. Зачем тебе гроб?

— Вот чудак! — усмехнулся Назар. — А если смерть меня не спросит и придёт всё-таки?

— Я бы к тому времени отработал, — переступил с ноги на ногу Антошка. — Какую хошь работу сделаю.

Дед Назар почесал затылок, посмотрел на Антошку, на его ловкую коренастую фигуру, заглянул с пристальной зоркостью в сияние надёжных глаза и крикнул:

— Что ж, парень, надо тебя уважить. Авось и ты меня когданибудь уважишь...

Через две минуты он хозяйственно вынес из избы полтинник и, как взрослому, вручил Антошке.

Не чувствуя под собою ног, Антошка побежал в сельсовет. Там уже было много народу. Все рассматривали потерянные билеты, подносили на свет, нюхали пахучую, свежую типографскую краску, но покупать пока никто не решался.

— Ну, давай, — торжественно протянул Антошка полтинник Толоконцеву.

— Вот это я понимаю. Вот это делец! — искренно обрадовался Толоконцев. — На, бери, друг, бери. Счастливо!

— Рисковый парень! — с одобрительным уважением удивились мужики.

А рыжий Данила ехидно скривил губы и, точно занозу всадила, рассмеялся нарастев:

— Плакали твои денежки, голубок!.. Пропал полтинник. Ай-яй-яй...

Но Антошка в ответ только бровями метнул — быстро и уверенно:

— Посмотрим!

Он бережно положил билет в карман и с радостным возбуждением покатился на ледяшке домой, юркими скачками отталкиваясь от плотно застывшей белой дороги, звеневшей, как литой чугуна.

Дома, к величайшему своему изумлению, Антошка застал совершенно неожиданную картину. Давешний китаец, весь посветлевший и обмякший, как гость, сидел за столом, а Антошкин отец хлопал его по плечу и восторженно говорил:

— Ли-Чан! Друг!.. Дорогой ты мой товарищ, да неужели это ты?..

Китаец нежнейше сиял своими таинственными косыми глазами и мелко кивал головой:

— Я сам... Я.

— Антошка! — обернулся отец к стукнувшей двери, — смотри, кого я встретил, — друга вернейшего. Мы с ним вместе в Красной армии воевали, вместе голодали, мёрзли, хворали, горе и радость одним сердцем принимали...

Ли-Чан взглянул на Антошку и вдруг узнал своего защитника. Лицо его вспыхнуло.

— Хороша твоя син, — сказал он с благодарной теплотой. — Он тожи мой друг.

Антошка не удержался и в знак дружбы сейчас же показал свой выигрышный потерянный билет.

Китаец сощурился и с улыбкой многозначительно поднял палец, как человек, которому внезапно пришла счастливая мысль.

— Советски билет — взрна, билет, — сказал он. — Я идём сейчас родина — Шанхай. Дай бумаг, пишу тибэ тыри слова. Если билет возьмёшь ехать кругом земля, нипэрименна иди Китай. Придэш Шанхай — большой город, — будешь моя гости. Дом у минэ нетт. Тогда покажи эти тыри слова любой китайска рабочий, и тибэ приведут место, игде скажут, куда живёт Ли-Чан.

Китаец на Антошкином клочке бумаги сверху вниз быстро написал какие-то замысловатые закорючки, очень похожие на разтопырившихся жучков.

— Держи!

Антошка посмотрел и невольно спросил:

— А что тут написано?

Китаец снова многозначительно поднял палец и тонко, поговорщицки, одними чёрными зрачками улыбнулся. Антошка вдруг всё понял, восторженно закивал головою, сорвался с места и побежал прятать китайские слова вместе с билетом в свой заповедный сундучок.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ РОЗЫГРЫШ

Александр Степановичу, учителю географии, пришлось очень туго. Ни звонки, ни крики не помогали. Ребята нервничали, не слушали объяснений, не знали уроков. Кто-то с «камчатки» крикнул:

— Расскажите лучше про кругосветную лотерею!

Александр Степанович обиделся было, но, сообразив, что это не праздная просьба, принялся рассказывать всё, что сам знал.

В классе водворился порядок. Прекратился шопот, смолк смехок; до большого перерыва ученики внимательно слушали занятные истории.

Под рокот голоса учителя у Миколы, воображавшего себя выигравшим кругосветное путешествие, захватило дух. Вот-вот... ещё немного, и он полетит...

В перерыве выбрали «выигрышную комиссию». Пупырьков Гришка важно восседал в председательском кресле и командовал:

— Тяни, клоп!

Ося — самый маленький ученик в школе — «на общее счастье» опустил свою пухленькую, в чернильных пятнах, ручонку в грязную Гришкину шапку и тянул свёрнутые в трубочки билетики.

— Пустой...

— Пустой...

— Пустой...

Колдуй, баба, колдуй, дед, закол-
дованный билет...

Колдуй, баба, колдуй, дед...

Это «колдовал» Сенька Шпиль.

Утром, когда мать подняла его с постели, первым делом он

спалил гусиное перо и три раза плюнул в колечко из своих пальцев. Перо сгорело без остатка, а слюна не обмочила пальцев, и Сенька был уверен, что билет достанется именно ему. Если он и колдовал теперь, стоя в толпе, так это для аннулирования чужого колдовства, не больше.

Пол у председателяского стола уже покрыт клочками изорванных билетов, а Гришка-председатель продолжал спокойно выкрикивать:

- Пустой...
- Пустой...
- Пустой...

Ося давно морщился. У него болели ручонки от непривычной работы. Ребята переминались с ноги на ногу и все так же нетерпеливо ожидали розыгрыша.

В грязной шапке оставалось совсем мало билетов: видно было даже дно её. И вдруг...

— 174!

— У кого 174?

На секунду в классе воцарилась абсолютная тишина, потом раздался звонкий голос Микола:

— У меня! У меня! Вот он...

Высоко держа над головой билет, Микола прошёл к столу президиума. Гришка сделал величественный жест рукой, означавший: «тише!», и важно принялся сличать билеты. Затем, посовещавшись с членами комиссии, он провозгласил:

— Выигрыш выпал на билет № 174. Выиграл правильно товарищ Микола Омельченко!

И шум сразу пошёл по комнате, выкатился в коридор, побежал по классам, запорхал от парты к парте:

— Счастливей! Микола выиграл... Омельченко... Он слово, наверное, знает.

Собрались ученики всей школы. Старшие смеялись.

— Ну, брат, за чем дело стало? Лети, коли выиграл... Кланяйся Чемберленовой бабушке! Да скажи Муссолини — пусть поменьше чихает!

Микола был серьёзен. Теперь он уже был уверен, что выиграет кругосветное путешествие. Ведь до сих пор у него была только одна сороковая шанса на выигрыш подлотереи и одна пятиимиллионная на выигрыш кругосветного путешествия. Теперь же, раз билет подлотереи выигран, его шансы на выигрыш кругосветного путешествия сразу увеличиваются в сорок раз, и, стало быть, он располагает одной ста двадцатипяти тысячной шанса на выигрыш кругосветного путешествия, как и каждый обладатель билета.

— Как знать! Всякое бывает.

Неудачный «колдун» — Сенька Шпиль — бранил Кольку Панкратова:

— Мошенник! Мошенник! Обманщик! Ты говорил, что твоё средство самое верное... Я и перо палил, и через дырку плевал... Всё сделал, даже всё время колдовал, когда разыгрывали, ничего не помогло... Обманщик ты, вот что! Деньги выманил...

Смущённый Колька вдруг сообщил:

— А кто тебе велел колдовать, когда розыгрыш был? Я же тебе этого не велел. Ну вот и испортил. Сама себя раба бьёт... Пенять не на кого. Надо было слушать.

И он гордо отвернулся от неудачника.

Если бы не звонок, пожалуй, вышла бы драка, потому что Сенька не отставал и продолжал приставать со своими укорами.

В тот вечер Микола просидел до двенадцати часов над стареньким глобусом, обводя его чуть видными линиями в разных направлениях. Во сне он видел себя рассекающим пространство, где-то в беспредельной вышине, на огромном вертящемся и сверкающем аэроплане невиданной конструкции.

А за две тысячи вёрст от Харькова, в глухом Пермском селе Ярушине, появился свой «авиатор». Так прозвали односельчане Антошку Жукова.

Антошка давно забросил свою ледяшку, перестал озорничать и налёг на учёбу. Учитель диву давался: откуда такое? Ведь, казалось, меньше всего парень интересовался географией, а тут, посмотри-ка, — и какая такая Китайская страна, и что за народ китайцы, и кто за китайцами живёт, и кто туда дальше, к краю, как говорят, земли, и что над землёю, и что под землёю...

Старики при встрече с Антошкой обязательно принимали солидный вид, хмурили лица и будто всерьёз спрашивали:

— Ну, авиатор, как там у вас на небе? Далеко ли ночью летал?

Чтобы не доставлять пищи для насмешек, Антошка старался отшучиваться в тон:

— Далеко летал, высоко летал, а таких мудрецов не видал.

Кончались такие любезности дружным общим смехом.

Отец старался вернуть Антошку на землю.

— Да пойми ты, — говорил он, — два миллиона их, билетов-то, а выигрывают шашнадцать. Подели и увидишь, на сколько билетов один выигрыш приходится. А ты уже в авиаторы записался и лететь собрался. Ты, брат, особенно не надейся: выйдет — ладно, а не выйдет — и так проживём.

Дед Назар, наоборот, всё время поддерживал надежды Антошки на.

— Эх, молод ещё, не знаешь... А какие, брат, чудеса бывают...

После такого вступления всегда начинались рассказы о царевичах, жар-птицах, колдунах, кашеях и коврах-самолётах. И хоть не верил Антошка этим бредням, а воображение его расплывалось. То воображал он себя героем, спасителем родной деревни от голода,

то защитником китайцев от англичан.

С одной стороны, трезвые рассказы отца, с другой — фантастические бредни деда Назара. Мальчик попал в какой-то круг, в котором трудно было отличить реальное от фантастического.

В картотеке издательства «Правда» появилась новая карточка подписчика Антона Жукова, почт. отд. Солнцево, Пермской губ., с. Ярушино.

Каждый день отправлялся Антон за девять вёрст в Солнцево. Там, робко потоптавшись с полчаса у окошка и дождавшись очереди, он тихо спрашивал:

— Газетку нельзя, дяденька? От спасибо...

И бережно уносил под поллой свою газету.

Дома, вдвоём с отцом, они прочитывали всю газету, от строки до строки. Отец больше всего любил первую страницу и последнюю. Карикатура, передовица, телеграммы о заграничных новостях, «суд»... Антошка, наоборот, любил третью страницу — отдел «На местах».

— Тятя, — кричал он — на остров Врангеля прибыл пароход. А вот про Карскую экспедицию пишут... Вышла, слава богу, в открытое море...

Но, конечно, основной целью подписки была авиалотерея. Всё, что относилось к ней, заучивалось буквально наизусть.

Так провели в мечтах, меж газетой и сказками, долгую крестьянскую зиму. Когда же зазвенели миллионами серебряных колокольчиков мутные ручьи, и на жирной земле появились первые нежные, свёрнутые ещё, лепесточки, и деревья покрылись бледной, нежной зеленью — крестьяне наладили «ремонт» и дружно двинули в поле.

На время авиалотерея уступила место пахоте и бороньбе. Потом начали сеять. Дед Назар ходил по полю и давал советы приятелям:

— Как кладёшь? Да как кладёшь, спрашиваю? Рассеиваю? Рассеивай, подсеивай, чтоб ветерком её подхватит... Вот так. Понял?

Крестьяне не хотели обижать старика. Принимали его советы, как нечто новое и полезное.

— Пусть потешится старик. Сам не сеет теперь, пусть его командуваит.

Было это в яркий весенний день. Маленькое далёкое серебряное облачко только подчёркивало бесконечную голубую чистоту воздуха. В придорожных топлях пели малиновки. Высоко, с песней, неслись, словно ныряя и плавая, жаворонки. Подсохшая земля вся сплошь была покрыта ярким изумрудным ковром. Густой щёткой зелени озили, пробивались яровые.

Антошка упруго и легко шагал по дороге в село Солнцево за газетой. Ему казалось, что всё поёт вокруг, и песнь эта отзывается в его собственной груди.

Мечты о далёких странах, приключениях и путешествиях теперь, когда покончили с севом, снова овладели мыслями мальчика. Тянуло на простор, за горизонт; на моря, в воздух, к солнцу.

Антон знал, что розыгрыш авиалотереи начался ещё на прошлой неделе. Поэтому и несли его так быстро молодые ноги.

Может быть, и таблица напечатана... Может быть, и выиграл. Как знать! И он всё прибавлял шаг.

Обратно он уже не шёл, а бежал. Кололо в боку, не хватало дыхания. Но ноги упорно несли его вперёд. За пазухой Антошка нёс драгоценный номер «Правды». Таблица была помещена на третьей странице.

Чем меньше оставалось итти до Ярушина, тем больше становилась уверенность Антона, что он несёт за пазухой своё счастье.

У околицы встретился Кузя Толоконцев.

— Куда так летишь, авиатор? Может, авария стряслась?

Антон только отмахнулся и быстрее помчался к родному дому.

— Тятка, — ворвался он вихрем в избу. — Тятка, гляди, вот она, таблица! Вот, гляди! — И, разложив газету на столе, кинулся в чулан, где стоял его заветный красный сундучок. Дрожаящими руками развернул он тряпицу, достал красивый, хрустящий розовый билет и бегом вернулся в комнату.

— Тятка! Тятка! Смотри здесь в таблицу, а я буду в билет смотреть! Погоди, погоди! Ты смотри в билет, а я сам буду в газету...

Антошка нервничал, спешил, дрожал, а отец посмеивался:

— Ну и горячка! Чего спешить? Не горит ведь, поди, твой билет?

Антон быстро пробежал глазами и пальцами по таблице. Лицо его побледнело.

— Что, нету? — спросил отец.

— В газете нету, — замялся Антошка, — а у билете не знаю...

— Эх, шляпа ты, шляпа! Гляди! Вот он номер, а тут, може, он тоже есть. Как есть, значит, и выиграл. Понял?

Просмотрели ещё раз таблицу. Ещё... Переглянулись. Снова внимательно осмотрели билет, номер, проверили на свет...

Стояли оба — отец и сын — растерянные, недоумевающие...

— Ужель и вправду? Антошка... И взаправду выиграл.

Антон не мог прочесть номер билета. Буквы и знаки прыгали у него перед глазами.

— Може, ошибка? — бормотал он, а в груди, точно молотками, билось что-то и вопило:

— Летим! Летим! Летим!

Затея сына теперь перестала казаться отцу такой безобидной. Билет ему не мешал. Он и сам не прочь был бы полетать по дальним краям,

Но... отпустить четырнадцатилетнего сына в опасное кругосветное путешествие... это в его планы не входило.

Уговоры, просьбы, конечно, не помогли. Антошка упорно стоял на своём.

— Поеду, и всё...

Вечером соседи собрались в тесной избе Жуковых. Охали да ахали. Многие всё ещё не верили, что и впрямь их Ярушину такой почёт и счастье выпали. В самой, можно сказать, Москве билет для них вытянули...

Дед Назар хитро улыбался и успокаивал отца:

— Эх, голубок... Вот мне помирать пора, а много я на своём веку хорошего видел? Говори, коли знаешь. Солдат должен всё знать!

— Что и говорить! Верно, что в темноте живёт наш брат, — уныло тянул отец, — но, и то сказать, перья на ем ещё не обросли, а уже туды же, летать...

В избушке церковного старосты в тот вечер было большое собрание. Лавочник Аристарх Сидорыч, дьякон о. Никанор, псаломщик, староста и старостиха, отставной стражник Адрианов всячески обсуждали событие. На столе стояла четверть водки, лежали в расоле добрые огурцы, сиротливо жались к селёдке крутые яйца.

В четвёртый раз псаломщик выходил на улицу.

— Ну, что, летит? Летит? — сыпались вопросы, едва он возвращался. — Ужели на такую отчаянность решится?..

— Кто его знает? Не разберёшь... Гуторят, гуторят, а толком не поймёшь...

Часов около двенадцати сам стражник Адрианов пошёл в расведку.

— Летит! — сказал он, возвратившись, и залпом выпил стакан водки.

Дьякон важно перекрестился:

— Упокой, господи, душу отрока сего!

Утром односельчане провожали Антона в «губернию».

От имени общества Кузя Толоконцев сказал прочувствованную речь. Она отняла у оратора и слушателей три минуты. Кузя больше топтался и заикался, чем говорил:

— Лети, браток, — сказал он, — и не забывай камуницу партию, котора возносит тебя, как ангела, под облака... и не забывай нас, а на дорогу, пока до губерни добьёшься, вот возьми — общество миром жалует...

Кузя протянул Антону клетку, в которой были поросята, гуси и куры.

Рыжий мерин сельсовета с места пошёл рысью и скоро скрыл путешественника за поворотом дороги. Долго ещё стояли крестьяне, глядели, как садилась пыль, только-что поднятая скрывающейся сельсоветской повозкой.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ ПУТЕШЕСТВИЕ НАЧИНАЕТСЯ

Приехав на станцию. Антошка соскочил с телеги, отряхнулся и смелыми шагами направился к кассе. Окошко кассы было открыто. Около него нетерпеливо жались в очереди человек шесть пассажиров. Когда они, купив билеты, отошли, Антошка подал кассиру свой счастливый потерянный билет с развёрнутой на нём картой всего земного шара и, подавая с видом независимого, вполне самостоятельного человека, сказал:

— Пожалуйста, до Москвы.

— Какого класса?

— Этого... как его... самого дешёвого, — замямвшись на мгновение, скороговоркой вывернулся Антошка.

— Двенадцать сорок.

— Что двенадцать сорок?

— Рублей, копеек! Не понимаешь?

— Я по выигрышу. Без денег!

— Как это без денег? — с подозрительностью скосил глаза кассир из-под старых, в железных ободках, очков. — За счёт царя небесного, или шаха персидского, может быть?..

— Зачем? — удивился неожиданному наскоку Антошка и храбро принялся разъяснять, указывая пальцем на левую сторону билета. — Очень просто. Вот смотрите, тут же написано: «Выигравший путешествие, кроме того, получает железнодорожный билет от места своего жительства до Москвы и обратно»...

Кассир раздражённо дёрнул билет, поднёс его к самому носу, торопливо прочёл мелкие строки и шлёпнул бумажку обратно на полдочник окошечка:

— А я откуда знаю, что именно ты выиграл?

— Ну как же... — раскрыл Антошка глаза от неосведомлённо-

сти кассира. — В газетах же пропечатано было: серия 093, № 06224. И вот тут как-раз, точка в точку, и серия и номер, — всё совпало.

— Что же, моя голова завозня, или амбар, чтобы в ней газетные известия складывались? Мало ли всякой всячины печатают! Так мне это в мозгах держать, по-твоему? Ничего не знаю, не помню и знать не могу. Давай деньги или проходи — не задерживай очереди. Следующий!

Антошка на минуту опешил, потом подумал, растерянно почесал затылок, несколько раз оглянулся во все стороны, как бы ища помощи и поддержки, наконец, махнул рукой и вышел к отцу на улицу.

— Тут у них порядки, знаешь, какие... совсем слабые! Не даёт кассир билета. Выкладай, грит, двенадцать рубликов сорок копеек. Придётся, видно, клетку нашу расторгать...

Кур, гусей и поросят успели распродать только к полдню следующего дня. Два поезда на Москву пришлось из-за этого пропустить самым обидным образом.

Из вырученных двенадцати рублей семидесяти копеек двенадцать сорок Антошка заплатил за железнодорожный билет.

— Ой, смотри, не пропади, — забеспокоился отец. — Что у тебя осталось? Тридцать копеек — разве деньги?..

— А на что мне больше? Хлеб есть, мать полную торбу набила, воды попить — бесплатно словчусь. Чего ещё? Только бы до Москвы добраться, а там суточные дадут. Читал, в билете сказано?

— А вдруг осечка выйдет, как здесь, с кассиром?

— Вот ещё! То здесь, а то Москва. Разница, пооди!

— Боюсь я всё таки...

— Чего же?

— Да ведь кто знает... Как говорится: «Не сули журавля в небе, дай синицу в руки».

Антошка похлопал себя по карману, где у него лежал лоте-

рейнй билет, и уверенно усмехнулся:

— Ничего! Моя синица крепко сидит. Уже попалась в мои руки. Не выпущу.

И, наклонившись к уху отца, твёрдо сказал:

— В случае чего, если и в Москве, в Авиахиме, таких пыжей вроде кассира встречу, — я, знаешь, что сделаю? Прямо к Калинин уйду! Ей-богу!

— Ну? — с удивлением и ободрением посмотрел отец.

— А что же? Он в обиду не даст! Моё дело верное — выиграл.

Когда подошёл поезд, Антошка, как с верным товарищем, пристился с отцом и с некоторой робостью к большой, сложной машине, первые видимой, которой на несколько дней нужно было вверить свою судьбу, забрался в вагон:

— Счастливо! — едва успел крикнуть отец.

Полетели за окнами поля, дороги, леса, сёла, города, полплы мимо, всё отставая и отставая, разноцветный ковёр жизни, как в парнораме, потянулась обширнейшая советская страна.

В Москву Антошка приехал утром на четвёртые сутки. Сияло солнце, шум, стук, говор, лязг, звонки, — тысячи звуков оглушали непривычные уши. Город пестрел несчётными фигурами деловито спешащих людей, многоэтажные дома без конца и края высились со всех сторон. Антошка почувствовал себя маленькой песчинкой, попавшей в огромное, бурное, kloкочущее море.

«Ну, держись, Антон!» — мысленно сказал он самому себе. — «Не теряй головы»...

Выйдя с вокзала на площадь, он осмотрелся. Движение людей, извозчиков, автомобилей, телег, трамваев было ошеломляющим.

«Куда итти?» — бился в мозгу напряжённый вопрос. — «Сюда повернуть, или туда?» — перебегали глаза с одной улицы на другую.

Наконец, Антошка насмелился и спросил у прохожего в старом замасленном пиджаке:

— Дяденька, а где тут Авиахим находится?

Прохожий быстро повернул в его сторону голову и неохотно отмахнулся, как очень занятый человек:

— Не знаю. Мильтона спроси.

Ресницы Антошки часто замигали. «Какого мильтона?» — не понял он в первую минуту. Но переспросить уже было некогда: спина на несловоохотливого прохожего мелькала далеко впереди среди идущих в разные стороны фигур, броситься же догонять его не хватило смелости.

Антошка беспомощно огляделся ещё раз — и вдруг около трамвайной остановки увидел милиционера в белых нитяных перчатках, в пылающей малиновым цветом фуражке и ярко начищенных франтоватых сапогах. «Наверно у них тут милиционеров так зовут»... — сразу сообразил он и, преодолевая невольную нерешительность, направился к важно поглядывающему блюстителю порядка. Приблизившись на расстояние трёх шагов, он почтительно снял свою деревенскую шапку и повторил тот же вопрос, что и проходимому.

— Шапку надень, — улынулся милиционер. — И объяснил самым подробным образом, как попасть в Авиахим.

— Садись в трамвай, — доедешь прямо, куда нужно.

— А дорого? — боязливо спросил Антошка, хорошо помня, что капитала у него только тридцать копеек.

— Гривенник.

— Это можно, — обрадовался Антошка и поспешно вспрыгнул на площадку остановившегося трамвая.

Вагон, как быстрая лодка, полпыл по непостижимой сутолоке Москвы.

— Вот тут. Слезай, — крикнул кондуктор на одной из остано-

вок.

С большим волнением, с робостью и неуверенной радостью подошёл Антошка к высокому дому, на котором толстыми золотыми буквами было написано «А в и а х и м». Сердце стучало часто и громко, как в запертой клетке молоток. Мысли летели вихрем, беспорядочным потоком.

Вот открылась широкая лестница. Пол вокруг неё блестел, как лакированный. Красный суконный половик, точно ковёр, застилал ступени. Шаги на этом полويке стали неслышными, беззвучными. Прерывисто переводя дыхание, Антошка поднялся в светлый, сверкающий зал, где за дубовыми барьерами сидели десятки что-то пишущих и считающих людей. Предъявил Антошка билет и голосом, которого сам не узнал — до того он был тонок и ломок — сказал:

— Кажись, выиграл?..

Подошли двое очень нарядных служащих. «Наверно, начальники», — подумал Антошка.

Сверили билет с печатной таблицей выигрышей, справились по каким-то книгам и бланкам. У Антоши даже сердце затрепетало: «А вдруг ошибка? Вдруг скажут — нет?..»

Но вот «начальники» заулыбались, закивали головами. К ним подошло ещё несколько человек служащих. Антошку обступили, окружили.

— Молодец! — поздравляли и осматривали его со всех сторон. — Кругосветное. Ловко! Откуда?

Антошка рассказал, как достался ему билет, рассказал про газету, про кассира, про клетку с курами, гусями и поросятами и, как неоспоримое свидетельство своей настойчивости и смелости, показал на ладошке оставшиеся двадцать копеек.

— В гостиницу его! — распорядился весёлый пожилой чело-век, вышедший из кабинета, оборачиваясь к почтительно рассту-пившимся перед ним служащим. — Одеть, обмыть, обусть. Там у нас

уже есть один мальчик — Микола Омельченко — из Украины приехал, — обратился он к Антошке. — К сожалению, ему не кругосветное досталось, а лишь во Францию и Италию. А то бы пустили вас вместе.

Этот день для Антошки был полон головокружительных впечатлений, каких раньше никогда не приходилось переживать. Его сейчас же повезли в гостиницу, где в номерах, снятых Авиахимом, остановились, съехавшиеся со всего Союза удачники, выигравшие то или иное путешествие. По дороге заехали в огромный, блестящий витринными стёклами магазин. Антошка едва успел прочитать богатую, широко размахнувшуюся по всему фасаду надпись: «М о с к в о ш е й.» Сопровождавший Антошку сотрудник Авиахима взял его за руку и быстро повёл к высокой зеркальной двери входа. В магазине у Антошки разбежались глаза: он не мог ни на чём сосредоточиться — такое было кругом обилие самых разнообразных одежды и товаров. Сопровождавший сотрудник о чём-то коротко распорядился, и к Антошке с предупредительным вниманием мгновенно наклонился бритый, седоусый приказчик, обмерил его лентой клеёчатого сантиметра, затем со стуком и грохотом снял с полок несколько коробок с бельём и ловкими движениями стал прикладывать белоснежные рубашки к Антошкиным плечам, к шее, к вытянутым рукам. Отложил шесть пар в сторону, галантно изогнулся, склонил на бок голову:

— Ещё чего позволите?

Сотрудник опять что-то сказал, и приказчик, как очень аккуратная машина, гибко задвигался в другом направлении. Орудая тонким шестом, похожим на удилице, он поддевал сверху, с густых вешалок, затейливые костюмы и примерял их Антошке. Остановились на двух. Через полчаса с большими, деликатно увязанными пакетами, в которых было тщательно завернуто бельё, костюмы, кепка, пальто и перчатки, Антошка и его спутник тронулись дальше.

Но почти сейчас же сделали новую остановку и в одном из соседних магазинов купили франтовские шевровые туфли на пряжках.

— Да как их застегнуть? Пожалуй, не сумею: уж больно хитро запутано, — смутился Антошка.

— Ничего! Научишься, — похлопал его по плечу сотрудник Авиахима. — Кругом света, брат, поедешь. Чтобы лицом в грязь не ударить, надо приодеться как следует.

В гостинице состоялось знакомство с Миколой Омельченко. Но не успел Антошка и двух слов сказать, как его повели на третий этаж, в парикмахерскую. Там плавно легла вокруг шеи белая простыня, застрекотала вкрадчивым мелким голосом машинка, и вихростые Антошкины волосы полетели, как сдунутый ветром пух с одуванчика. Проступила круглая, ловкая, аккуратная голова. После парикмахерской Антошку заставили выкупаться в ванне, в целом озере тёплой воды, мыли его душистым мылом и белыми мягкими мочалками. Когда через час, обтеревшись толстым махровым полотенцем, Антошка оделся во всё новое и глянул в зеркало, он не узнал себя: из огромного ясного стекла на него смотрел нарядный, совершенно незнакомый юноша, у которого только лицо напоминало какого-то близкого человека.

— Ну, теперь будьте как дома, — сказал сотрудник Авиахима и оставил Антошку с Миколой в просторном светлом номере гостиницы.

Несколько мгновений Антошка молча рассматривал Миколу с ног до головы, потом осмелился и спросил:

— Ты что, сроду такой, или тебя только тут франтом сделали? — Тут.

— Здорово это у них получается...

— Ещё бы: Москва!

Микола рассказал, что он приехал ещё третьего дня, что в огулушительном шуме города, kloкочущем с раннего утра до глубокой

ночи, никак не может разобрататься, что днём его водили по музеям, картинным галереям, а вечером в театр, и что он ждёт не дожждётся, когда всё будет готово, чтобы ехать за границу.

— А ты на аэроплане летал? — спросил он вдруг Антошку.

— У нас их нету. Прошлый год показался один, так только деда Назара поднимал.

— Ну, и что?

— Очень интересно вышло. Мужики думали, что деда, шутки ради, где-нибудь на облаках ссадят, чтобы не храбрился на старости лет. Однако, прилетел старик обратно, как ни в чём небывало.

— Как же мы с тобой? Рискнём?

Антошка нерешительно крякнул и переступил с ноги на ногу.

— Боишься?

— Если бы знать, что он оттудова, с небеси-то не сковырнётся, то чего бояться?..

— А если вверх тормашками? Если камнем на землю — ляп?.. Что тогда от нас останется?

Антошка невольно поёжился, мысленно представляя себя падающим с заоблачной высоты.

— Ну как же? Полетим?.. — настаивал взволнованно и неуверенно Микола.

— По-моему, так: решились путешествовать, значит трусить нечего. Любопытно всё-таки сверху на землю посмотреть. Сверху-то, чай, видать, что она круглая?..

— Скорей бы уж...

Ждать пришлось недолго. Через четыре дня первые две группы путешественников сформировались окончательно. Кругосветное путешествие выиграли трое: Антошка Жуков, бухгалтер клинцовского суконного треста Шварц и комсомолец — шахтёр из Горловского рудника в Донбассе по фамилии Нездыймишапка. Маршрут их намечался по городам: Москва — Берлин — Париж — Гавр — Нью-

Йорк — Чикаго — Токио — Владивосток — Москва. Во вторую группу попали тоже трое: Микола Омельченко, старик профессор Твёрдохлебов и весёлая хохотушка машинистка Зоя Яхонтова. Их маршрут был значительно короче: Москва — Гамбург — Рим — Париж — Ницца — Венеция — Вена — Прага — Дрезден — Берлин — Москва.

За время совместной жизни в номере Антошка крепко подружился с Миколой.

— Эх, если бы нам вместе досталось ехать, — мечтали они. — Вот было бы хорошо!

— А знаете что, — посоветовал профессор Твёрдохлебов. — Давайте в Париже встречу устроим. Всё равно ни первой, ни второй группе Парижа не миновать.

Эта мысль понравилась путешественникам в высшей степени. Но в момент отъезда случилось совершенно неожиданное происшествие, едва не спугавшее все планы. Вторая группа села в экстренный поезд на Ленинград, чтобы оттуда на пароходе плыть до Гамбурга. Поезд первой группы, направлявшийся в Берлин через Псков — Варшаву, должен был отойти на полчаса позже. Антошка зашёл в вагон к Миколе проститься и по рассеянности не услышал последнего звонка. Он опомнился только тогда, когда поезд плавно тронулся с места. В испуге расталкивая публику, Антошка бросился по коридору к двери.

— Куда ты? Куда?

— Упадёшь! Расшибёшься!.. — закричали на него со всех сторон.

Чи-то цепкие руки схватили Антошку за плечи в тот момент, когда он готовился прыгнуть на улывающий переплёт стальных, остро торчащих рельс.

Поезд всё ускорял и ускорял ход.

ГЛАВА ПЯТАЯ БЕЗ РУЛЯ

Стало ясно: произошла нелепая оплошность, уничтожившая в один миг радостное настроение и сотни самых увлекательных надежд и ожиданий, связанных с мыслями о большом, необыкновенно серьёзном путешествии. От обиды, огорчения и растерянности Антошка готов был заплакать.

— А билет с тобой? — с бессильным участием спросил Микола.

— Какой? — поднял пылающие глаза Антошка, едва превозмогая силу горечи, готовую хлынуть потоками неудержимых слёз.

— Да железнодорожный. До Берлина, или куда там?..

— Всё у нашего старшего — у бухгалтеря Шварца. И билеты, и документы...

— Тю-тю-тю! Это дело табак...

Антошка, дико озираясь, как попавший в западню, прислонился к вагонной перегородке, стал ниже ростом, сжался и посерел.

— Подождите, не отчаивайтесь, — подошёл профессор и положил ему руку на плечо. — Ничего страшного нет: ведь ваш поезд через полчаса тоже пройдёт по этому пути. Сейчас на ближайшей остановке мы дадим телеграмму, а на станции Тверь или ещё лучше на станции Бологое, откуда ваш поезд должен повернуть на Псков, вы сойдёте и будете ждать своих. А до Бологоро, если контроль потребуется, мы вам билет купим.

Утешительные слова профессора, действительно, начали подтверждаться. В Твери дежурный по станции нашёл вагон с путешественниками и деловым торопливым голосом спросил:

— Антона Жукова тут нет?

— Есть, есты! — всполошился Антошка. — Это я. Я — Жуков.

— Который потерялся?

— Именно, именно! Я потерялся.
— Телеграмма из Москвы: если есть, ссадить в Бологом.
— Да я сам сойду. Только бы доехать.

Вёрст за десять до Бологого Антошка простился с Миколой окончательно и вышел в коридорчик около площадки, чтобы сейчас же соскочить, как только остановится поезд.

В Бологом, оставшись на станции в полном одиночестве, вдали от родного села, оторванным от двух групп людей, с которыми его временно связала случайная судьба, Антошка вдруг почувствовал себя покинутым и потерянным навеки. Те полчаса, которые прошли в ожидании экспресса из Москвы, показали ему невероятно долгими, мучительными. Но какова же была его радость, когда подкатывающей быстрой лентой показались длинные междунородные вагоны, и с площадки одного из них раздавался громкий смеющийся крик Нездыймишапки:

— Антошка! Друг! Жив!

Антошка без слов стрелой бросился в вагон — к Нездыймишапке, к Шварцу, как к самым дорогим людям в мире.

— Что, хлбнул страху? — подсмеивался Нездыймишапка. — Будешь помнить теперь, как без ума по чужим вагонам шататься?..

— Плакал? — спросил Шварц.

— Нет. Удержался. Чуть-чуть, однако... — сознался Антошка.
— Ещё немного — и разревелся бы.

С этого памятного происшествия решили раздать на руки каждому его билеты и документы, чтобы в случае чего не оказаться в таком же беспомощном положении, в каком оказался Антошка. Кроме того, Шварц выдал Нездыймишапке и Антошке по сто рублей, чтобы, на случай беды, у каждого были деньги, при помощи которых можно было бы принять хоть первые необходимые меры в смысле питания, проезда и установления связи со своими.

Но дальнейшее путешествие пошло довольно гладко.

В Варшаве остановились только на один день. При торопливом осмотре города Антошка больше всего был поражен роскошью дворцов бывших польских королей и магнатов, кричащей пестротой офицерских мундиров, которые попадались в глаза на каждом шагу, и нарядной сытостью публики, заполнявшей центральные улицы.

— Вот так республика! — саркастически кривил губы Нездыймишапка. — Панов-то, панов-то сколько!.. А жирные, черти, как индюки!.. Эх, прямо душу мутит смотреть на это сало. Наверно, мужики у них немножко тощее живут?..

И, действительно, когда проезжали потом по территории Польши, нищий вид сёл и деревень колол Антошку, как едка, покойная заноза. Бедность сквозила всюду и после разряженных, беспечных улиц Варшавы казалась особенно неприкрытой и страшной.

Тяжёлый гранитный Берлин промелькнул в сознании Антошки, как сложный, непонятный сон. Грандиозные картинные галереи и музеи, полные всевозможных сокровищ искусства и истории, прошли перед глазами сказочной вереницей. Даже тогда, когда Берлин остался уже позади, и стремительный экспресс мчал путешественников через Кёльн в Париж, стоило Антошке зажмуриться, как непрерывная лента ярких красочных пятен, точно живой поток, пронеслась перед ним.

За окнами экспресса в весенней зелени мелькали десятки родов. Всё в них было ново, необычно, интересно: дома, крыши, улицы, подстриженные сады, люди в незнакомых одеждах. Картины сменялись одна за другой, как в кинематографе.

На второй день к вечеру в вагоне среди пассажиров начало чувствоваться какое-то невольное возбуждение.

— Ну, товарищи, пора собираться, — озабоченно заметил Шварц: — через полчаса Париж.

— «Париж! В него въедешь — угоришь!..» — весело подмиг-

нул Нездыймишапка. — Посмотрим!

И туже подтянул пояс своей блузы.

Скоро из окна можно было увидеть необъятное синее облако, лежащее на самом горизонте, освещённое красными лучами заката ного солнца.

— А по-моему это лес, — не согласился Антошка.

Но проходивший по коридору кондуктор, в ответ на ломаные вопросы Шварца, с улыбкой разъяснил, что громадная полоса на горизонте не облако и не лес, а именно Париж.

У Антошки даже дух захватило от изумления.

— Такой большой?..

— Неужели Париж? — восхищённо прильнул к окну Шварц.

— Париж! Париж!.. — неслось по вагону из конца в конец.

Через несколько минут поезд с грохотом летел по затейливым сетям бесчисленных рельс и, наконец, с торжественной мягкостью подошёл к вокзалу. И сейчас же на перроне Антошка услышал океан звуков, восклицаний, криков, разговоров — на непонятном певучем языке. Всюду мелькали улыбки, сияли смеющиеся глаза, блестя зубы, раздавались поцелуи, приветствия. Стектянные своды огромного вокзала ошеломляли своей волшебной высотой и прозрачностью. Потолки, двери, окна, — всё сверкало, всё было стекляннным и притом наполненным щедрым оранжевым светом вечернего солнца, как мягким огнём.

Вышли на площадь и сели в автомобиль, чтобы ехать в гостиницу. Десятки улиц снующей путаницей движения полетели на встречу с бешеной быстротой. Многоэтажным зданиям, городоподобным домам не было конца. Вечерний майский воздух бил свежей струёй прямо в лицо, поражало бесчисленное обилие бульваров, на которых стройными рядами цвели аллеи каштанов.

— Ну, пермяк, солёны уши, — потряс Нездыймишапка Антошку за плечо, — хорош городок?

Антошка ничего не ответил. От полноты впечатлений, в знак крайнего восторга, он только покачал головой. Шварц торопливо протирал свои бухгалтерские очки, точно Париж не вмещался в них, не укладывался, не попадал полностью.

— Вот бы где с красными знамёнами пройтись! А?.. — блестел задорными глазами Нездыймишапка.

— Тут? Арестуют! — решительно возразил Антошка.

— Понятно, если мы с тобой вдвоём сунемся...

— И втроём, со Шварцем, арестуют.

— Ха-ха-ха!.. — захохотал Нездыймишапка. — Да что он, Еруслан Лазаревич, что ли? А вот тысяч пятьсот бы рабочих собраты! Вот тогда бы!..

Утром путешественники направились в советское полпредство. Там им дали прекрасного переводчика, хорошо знающего город, и под его руководством началось знакомство со всеми достопримечательностями Парижа. Глаза не успевали останавливаться на том, что их влекло. Ноги от усталости подкашивались. Дня не хватало. Чем больше смотрели, тем больше хотелось видеть.

Через двое суток, как было условлено, из Гамбурга через Гавр приехала вторая группа: профессор Твёрдохлебов, Зоя Яхонтова и Микола Омельченко. Взаимных рассказов и горячих, нескончаемых разговоров было множество.

— Знаешь, я в Гамбурге на слоне верхом катался, — похвастался Микола.

— На слоне?.. — не поверил Антошка.

— Ей-ей. Спроси профессора.

— А бабушка твоя не каталась? — засмеялся Антошка.

— Думаешь, вру?

— Что же, слоны там в извозчиках служат?

— Ничего подобного: просто есть зоологический сад, а в саду — ручные слоны. Вот я на таком и катался.

водчиком на аэродром. Но было уже поздно: наступал вечер, и все обычные аппараты, обслуживавшие публику, были в разлёте.

— Вы вот что, — посоветовал один из лётчиков. — Приходите завтра как можно раньше. На рассвете отправляется конкурсная эскадрилья в Нью-Йорк, которая ставит себе задачей перелететь океан сразу, без остановок. А после её отлёта учебные аппараты будут подниматься над Парижем. Тогда вас с удовольствием поднимут.

Волнение охватило ребят. От предстоящего события у Антошки кружилась голова. Никола не находил себе места — поминутно вскакивал, вертелся, бегал. При выходе с аэродрома он купил в киоске компас на ремешке и надел на левую руку, как браслет.

— Зачем это? — спросил Антошка.

— Следить буду во время полёта.

— Ты бы лучше часы купил.

— Часы ты купи. Вдвоём легче будет наблюдение вести. Ты время станешь отмечать, а я — направление.

Когда вернулись в гостиницу, Шварц, огорошенный сообщением, со всей бухгалтерской рассудительностью пробовал отговорить:

— Бросьте, хлопцы. Ещё разобьётесь, чего доброго! Кто за вас отвечать будет?

— Успокойтесь, пожалуйста. Целы будем! Хотите, кусок облака вам с неба привезём на память?..

— А! — махнул рукой Шварц. — Делайте, что хотите.

На рассвете в парной четырёхместной карете Нездыймишапка, Антошка, Никола и переводчик выехали на аэродром. От свежего утреннего холода у всех невольно ёжились плечи. Рассвет начался изумительно. На бульварах и в парках среди цветущих, благоухающих деревьев просыпались птицы. Копыта лошадей чётко стучали по асфальту. Далеко за Парижем, на самом краю неба, нежными пламенными огнями загоралась заря.

Посреди аэродрома стояли три прекрасных сверкающих би-

— А на аэроплане?

— На аэроплане — нет.

— Когда же полетим?

— Да наши, кажись, не собираются.

— Что-о?..

— Ей-богу! Профессор говорит, у него сердце не подходит: лопнет. Зоя Яхонтова верещит со страху и уши пальцами зажимает — слушать про аэроплан не хочет...

— У нас тоже слабо, — пожаловался Антошка. — Главное дело, — бухгалтер довоенного образца: очаг больно. Чуть какое движение побойчей, он сейчас же за очки хватается; потеют они у него сильно. От воздуха же, от высоты, совсем, говорит, слепые сделаются. А без очков он никуда — прямо курица.

— Ну, а этот... как его?.. Ну, вот... фамилия ещё насчёт шапки?

— Нездыймишапка? Этот молодец! Верно! Давайте втроём полетим, хоть для пробы. С Нездыймишапкой не шутя: из семи печей хлебы едал паренёк.

— Согласится?

— Ого! Куда угодно!.. Он раз признался мне: строят, грит, в Америке снаряд здоровенный, — собираются выстрелить им на луну. Так я, грит, заявление туда заказным письмом послал: желаю-де в том снаряде на луну лететь.

— Да ну?

— Честное слово

— Вот это козырь!

— Отчаянная головушка. Ничего не боится.

— Значит, летим?

— Непременно!

С двух слов уговорили Нездыймишапку и сейчас же, не откладывая задуманного дела ни на минуту, отправились вместе с пере-

плана — многосильные стальные птицы, готовые к дальнему полёту через Атлантический океан. Бортмеханики в последний раз осматривали и проверяли каждую часть, каждый малейший винтик с такой же тщательностью и пристальностью, с какой часовых дел мастера проверяют часы. Лётчики нетерпеливо поглядывали на огромные циферблаты ручных браслетов.

Вдруг из ангара вышел встревоженный человек. Он приблизился к бипланам и что-то быстро заговорил. Лётчики и бортмеханики с нахмуренными, недовольными лицами выслушали его сообщение и в ответ что-то стали доказывать подтверждая свои слова нервной, недоумевающей жестикуляцией.

— Что случилось? — спросил Антошка у переводчика.

— Один из лётчиков внезапно заболел какой-то ерундовой болезнью и просит отложить состязание на завтра. А так как он большой любимец военного министра, то вот они и спорят.

Французы посоветались ещё несколько минут и в конце концов согласились всё-таки полёт отложить. Когда они кивнули рабочим, чтобы те вкатили аппараты обратно в ангары, Нездыймишапка тронул за рукав переводчика.

— А, может, который-нибудь нас прокатит с горя? Смотрите, как у них кисло на душе.

Переводчик перевёл просьбу.

Два лётчика резкими взмахами рук отказались. Но третий, самый молодой, остановился. Он, кажется, больше всех был недоволен задержкой состязания, — оглянулся, быстро осмотрел юных путешественников с ног до головы и неожиданно ширококим жестом остановил свой аппарат.

— Согласен! — пояснил переводчик. — Он хочет в Гавр слетать. Садитесь в кабину.

— А вы? — спросил Антошка. — Пожалуйста, с нами за компанию. Теперь только семь часов, как-раз к одиннадцати вернё-

тесь...

— Я?.. — испугался переводчик. — Я нет... Я домой... — бо-язливо затряс он головой и отступил в сторону как можно дальше.

Не успели ребята усесться, как заревел пропеллер, и мощный биплан, точно резиновый мяч, неслышно покатился по земле. У Ан-тошки гулко и сладко забилось сердце. Он смотрел на ровное поле аэродрома, как на сцену чудесного театра, на которой он сам выступает действующим лицом, — и вдруг почувствовал, что земля стала куда-то отлетать, удаляться вниз с такой же захватывающей дух стремительностью, как это часто бывает во сне.

И скоро глубоко внизу мглистой массой понёсся навстречу го-род. Сверху он казался невыразимо величественным, как беспре-дельный муравейник. Аэроплан, делая широкие круги, шёл всё вы-ше и выше и, наконец, взял курс на запад. Ветер свистел в стальных трусах, крылья гудели от быстрого тока воздуха, пропеллер сердитым жуком сверлил небо. Микола едва успевал взглядывать на свой новенький компас.

Когда позади взошло солнце, и земля озарилась тёплым, ши-роким светом, на горизонте показалась необъятная синяя полоса. «Море!» — понял Антошка. Нездыймишапка, указывая в сторону густой сини вытянутой рукой, что-то громко и радостно кричал, но звука его голоса за шумом пропеллера не было слышно. Скоро у самого моря показался город, на рейде можно было различить па-роходы.

— «Это, наверно, и есть Гавр», — решил Антошка.

Лётчик, словно играющий коршун, забирал всё выше и выше, любуясь своей силой и смелостью.

Вдруг аэроплан попал в огромное облако. Сырая белая мгла закрыла и землю и море непроницаемой завесой. Чтобы вырваться из неё, лётчик взял ещё выше. Аппарат, как на кругую гору, винтом полез вверх. Но конца облачному туману не было. Вдруг аппарат

рвануло. С неимоверной силой качнуло на бок. Он мгновенно накренился, но его сейчас же швырнуло на противоположный бок.

Ветер дул резкими рывками, ударами, неистовствовал бешеными вихревыми налётами. Стало ясно, что аэроплан попал в полосу воздушной бури. Это рассердило лётчика. Он, как побеждаемый борец, старался не поддаваться, пробовал разные направления, чтобы прорваться в спокойный простор. Однако, все его усилия были напрасны. Аэроплан метался в летучем белёсом вихре, как щепка, подхваченная бурей.

Антошку охватил страх. Ни земли, ни неба не было перед глазами, ни спасения, ни помощи, ни надежды уже нельзя было себе представить. Так продолжалось несколько часов. Наконец, когда лётчик, выведенный из равновесия и самообладания, крутым поворотом рванул горизонтальный руль, — руль сломался, и гибель стала неизбежной. Изменить направления уже было нельзя, — аппарат несло на юго-запад и только стихия бушующих воздушных течений могла бы кинуть его в какую-нибудь другую сторону.

Внезапно белая мгла начала редеть. Сначала этому никто не хотел верить. Однако, скоро облака отстали, — блеснул ясный солнечный день, и то, что путешественники увидели, было действительно ужасным: внизу во все стороны простирался необозримый океан. Никаких признаков суши ни один глаз, при всём напряжении, не мог уловить.

«Пропали!..» — похолодел Антошка, предчувствуя скорую смерть.

В распоряжении лётчика оставался только руль высоты. И, чтобы не упасть в море, он запасал, захватывал высоту.

К вечеру все испытывали мучительнейший голод. От долгого пребывания в воздухе тошнило. Но самое страшное пришло тогда, когда наступила ночь. Вверху была тьма. Среди неё густо сверкали звёзды. Внизу зиял крошечный мрак. Зловещий вой пропеллера

рассекал ночную твердь с невыразимой жутью. Казалось, что аэроплан несётся в межпланетном пространстве и что каждое мгновение его стережёт смерть. По-прежнему он шёл на юго-запад, и притом ближе к югу, чем к западу.

Когда забрезжил рассвет, Антошка слабеющим взором увидел, что Нездыймишапка и Микола посерели, как мертвецы. Они сидели неподвижно, закованые от холода, от страха, от непереносимого напряжения. Их лица были полны безнадёжности и уныния.

А вдруг Нездыймишапка замахал руками, закричал, задвигался, как ветряная мельница, куда-то дико указывая.

Антошка глянул и понял:

— Земля! Земля!..

Лётчик заметно повернул руль высоты на снижение. Через десять минут показался берег, ровная степь, травы. Когда аэроплан опустился, в первое мгновение никто не мог встать, — так ослабели тела. Наконец, лётчик как бы очнулся и с трудом поднялся. Он изнеможённо снял свой шлем. Антошка невольно ахнул: молодые выющиеся волосы француза стали белыми, как у старика.

Антошка остался верен себе и деловито взглянул на часы. Было десять минут десятого, но из-за тумана казалось, что день только начинается.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

НЕОЖИДАННЫЙ СОЮЗНИК

Пока ребята пытались определить местоположение, с севера, от пологих холмов, потянулись тучи, обогнули горизонт и закрыли солнце. Сразу потемнело вокруг; готовился большой дождь. Микола и Антошка спрятали записные книжки, переглянулись и обратились к лётчику:

— А как теперь? — спросили они в один голос.

— Теперь? — переспросил лётчик, — теперь дело табак. Бенина нет, помощи ждать неоткуда...

Обескураженные путешественники не обратили внимания на то, что лётчик разговаривает на чистейшем русском языке.

Неожиданно задрожал воздух и затряслась земля. Грозный раскат грома пронёсся над землёй. Лётчик сделал знак. Друзья кинулись за ним к машине и общими усилиями потащили её под большую кряжистую пальму. Лётчик накрыл мотор брезентом и забрался под крыло. Едва ребята успели последовать его примеру, как громовой раскат повторился, сверкнула ослепительная молния, забарабанили вокруг, прибивая траву и сбивая ветви и листья, крупные, густые дождевые струи. Скоро дождь полил косыми ручьями, словно кто-то открыл миллионы невидимых водонапорных кранов. Вода лилась с шумом, похожим на шипение брошенных в воду раскалённых углей.

Скоро пальма перестала защищать от воды. Ствол превратился в рукав, по которому, ворча, сбегали дождевые потоки. На земле они забирались под плоскости аэроплана и подмачивали ноги путешественников. Поле начало покрываться водой. Трава легла, уступая место разбушевавшимся струям.

Нездыймишапка схватил Миколу за руку:

— Слышь, Микола! Нас тута снести может. Того и гляди, ма-

шину подмает.

— Француз знает, — ответил Микола, поглядывая на лётчика.

Тот вдруг засмеялся:

— Ну, какой я, к чорту, француз?

Ребята пооткрывали рты:

— Как, не француз?

— Да очень просто, хоть и числюсь в рядах французского воздушного флота, а француз такой же, как и вы!

— Чего он говорит? — переспросил Нездыймишапка.

— Говорит — не француз, — сказал, не поворачиваясь, Антошка.

— А как же вас понимать? — спросил у лётчика Микола.

— Понимать меня Андреем Поликарповичем Сидоренком, — вот как понимать. А у французов я службу по тяжёлому случаю.

— Расскажите! Расскажите!

Ребята придвинулись ближе.

А ливень не утихал. Низины уже представляли собой клоко-чущие озёра. Ноги путешественников были по шиколотку в воде. Но лётчик настолько заинтересовал, что, забыв о необычности положения, о воде и ливне, ребята приготовились слушать.

— Так вот, — начал Сидоренко, — было это ещё в немецкую войну. Вы её, должно быть, не помните. Отправили наш корпус во Францию на союзную поддержку. Загнали нас союзники эти на самую тяжёлую позицию, где каждый день немцы тяжёлыми орудиями громили. Увидели мы, что дело это тяжёлое, что зря пропадать приходится, и стали требовать, чтобы нас обратно в Россию отправили. Тогда командование, с французами в компанию, отвело нас в тыл и давай наводить порядок. Меня, как агитатора, загнали вроде как торжника на какой-то Нормандский остров. Это недалеко от Гавра. Там у них аэропланная база была. Ну, стал я аэропланы работать. А я по специальности монтёр. Скоро приспособился. В доверие вошёл

и стали мне давать пробу машин. Начал я понемногу летать. Так прошло до семнадцатого года. Там, как узнал я про нашу свободу... Эх, защемило сердце, тоска, товарищи, сушить начала. Но что поделаешь! Уж я подумывал машину приспособить и... драла. Да, черти, следили очень. Бензину больше как на пятьдесят километров не отпускали, проклятые. Ну, куды полетишь? Кругом ихние миноносцы, аэропланы сторожевые... Я туда, я сюда... Ничего не напишешь. С острова далеко не уйдёшь. Тут, однажды, приехал к нам новый лётчик. Только-что школу кончил. Приказано было ему, значит, выдать машину, и прямо с базы имел он лететь куда-то с серьёзным поручением. Машину ему приспособили, — ничего машина была — фарман 600 сил. Только не хотел летать барон без бортмеханика. А такого на базе не было в тот день. Просили его обождать, потерпеть, повременить... А он фордыбачится. К самому, говорит, фошу пойду на телеграф жаловаться. У меня, говорит, самое секретное и самое важное поручение. Ну, тут, конечно, растерялись. Вижу я, моё время подходит, и говорю начальнику: а как, говорю, ваше сиятельство, если бы мне грехи перед свободной родиной в вашей земле великодушной замолотить? А он говорит: «Пожалуйста. Это дело возможное. Лети себе за бортмеханика; вместе грехи замаливать будем». Я своими ушам не верю. Ещё не знал, что да почему, а чувствовал, что тут я свободу свою возьму.

«Вот поднялись мы с ним, сразу над морем понеслись. Держит он курс не на юг, к французским берегам, а на север, в открытое море. Забирается на самую высоту, до откату. Вот уже тысяча, тысяча двести метров... Ну, думаю, летим к богу в гости. Наконец, уже и моря не видать; идём над облаками, густыми-густыми... Подумал, подумал... и решил: теперь или никогда. Сидел я у него сзади, в кабинке наблюдателя. Оружия у меня никакого. Тогда я снял мотузок от штанов, петлю сделал да ему на шею накиннул. Хрипит француз, а рычагов не выпускает. Тогда я на него взлез, рычаги принял и, ду-

маю, валяй Андрей Поликарпович в Советскую Россию на всех парах. Только глянул, а бензина чорт-ма. Что будешь делать? Не хотелось руки марать французом, а пришлось. Иначе гнить бы мне во французской каторге до второго потопы. Затянул я петлю потуже, а мой француз уже синий, не дышит. Взял его документы, оделся в его форму, а его, голубчика, в море выкинул. Вот лечу я и бумагу просматриваю. Оказывается, есть пакет за сургучными печатями, с надписью: «Вскрыть по прибытии в Лондон». А острова эти самые, английские, уже близко должны быть. Уменьшил газ, стал спускаться. Есть! В самый раз: Лондон под ногами. Спустился на аэродроме, как полагаются союзному лётчику, пошёл с рапортом. Кое-как по-английски наскрёб. Спасибо, был у нас мастер англичанин — от него в каторге научился. Вот в гостинице вскрываю пакет: «Явиться, — написано там, — в распоряжение лорда Пальмерста, адмиралтейство...»

«Делать нечего. Явился я в распоряжение этого знатного лорда, вручил бумаги, добытые у французца и закатились мы с ним на три года в Азию. Скитались мы там по Бирме. Мой лорд всё жёлтых собирал в союзную армию, попутно крамолу выводил, чтоб не воспользовались бирманцы войной и свою свободу не объявили. А как кончилась война, и уехал лорд Пальмерст, стали мы с французским генералом Мурреем оружием контрабандой в английскую Индию перебрасывать. С англичанами в союзе, а за спиной — индусов подымаем. Так уж у них повелось, у цивилизованных. Всё это время бегать никак нельзя было, и я продолжал состоять поручиком воздушного флота «великой французской республики» — Жаком Де-Ляпюр-Бем. Только уже в двадцать пятом году послали меня на высшие лётные курсы в Париж. Терпел я. Сердце в кулак зажал, ждал всё. А от учёбы не отлынивал. Зачем отлынивать? Учёба-матушка, она и у нас в СССР пригодиться может. Вот за день до вашего приезда прозвонили меня в старшие пилоты. А полёт этот через океан должен

был я держать вроде экзамена. Да чорта с два. Если бы не руль, были бы мы теперь в СССР...

Ребята так заслушались приключений Сидоренка, что и не заметили высоко поднявшегося и начавшего снова палить солнца.

Воды в поле уже не было. Только капельки сверкали бриллиантами в обсыхающей и подымающейся траве, да далёкая радуга урашала синее, синее небо.

Первым очнулся Микола. Он горячо пожал руку Андрея Поликарповича и сказал:

— Хоть у нас никто не поверит... а я верю и буду за вас...

— И я, и я... — присоединились Нездыймишапка и Антошка.

— Ребята, объясняйтесь в любви успеем, а теперь надо нам выбрать из этой безлюдной, неизвестной земли и двинуться ким-нибудь способом к своим. Не забываете: у нас нет бензина, нет пропитания, мы не знаем, где находимся, а наши нас не ждут, — сказал Сидоренко.

— Стойте! Стойте! — вскричал вдруг Микола. — Что там ребята?

Все насторожились. Откуда-то из зелёного степного простора доносилось низкое металлическое гудение и плыло настойчивыми рывками над степью.

— Завод! — крикнул Нездыймишапка.

— Аэроплан! — перебил Микола.

— Ни то и ни другое, — спокойно сказал Сидоренко. — По моему, где-то близко идёт пароход. Если бы вы меньше возились, слышно было бы и вам. Только-что ревел, а сейчас пыхтит слышно.

— Пароход? Как пароход? — изумились ребята. — Что ж он, по-вашему, по песку, что ли, плывёт?

— Зачем по песку? — невозмутимо сказал Сидоренко. — Вы не понимаете, друзья. Здесь, в этом необъятном поле, благодаря зелени, не видно отчётливо контуров. А я уверен, что долина не так

ровна, и у берега реки есть холмы, закрывающие её от наших глаз. Только холмы эти не видны из-за сплошного зелёного фона.

— Да ну? — изумился Микола, — я бы никогда этого не понял...

Антошка не дожидаясь конца спора. Быстро сбросив куртку и ботинки, он начал взбираться на пальму. Её шероховатая поверхность, несмотря на объём, позволяла легко карабкаться по стволу. Скоро Антошка скрылся в развесистой пальмовой кроне. Через минуту донёсся его голос:

— Вижу! Вижу! Больша-а-я речичка! Страсть... и верно — па-роход на ней.

Подкрепившись скромными запасами лётчика, друзья сговорились двинуться к реке. Порча руля оказалась настолько незначительной, что аэроплан был вполне пригоден к дальнейшему путешествию, оставалось только наполнить резервуар бензином. У реки ребята надеялись раздобыть горячее, справедливо полагая на берегу разыскать населённый пункт.

Машину решили временно оставить под пальмой. Около полуса ушло на маскировку аэроплана зеленью. Затем путешественники двинулись напрямик к реке.

Через два часа, когда солнце начало опускаться за далёкие, невидимые горы, друзья достигли цели. Перед ними была широкая водная равнина, около пяти километров шириной. Величественно катились массивные волны. Вода была мутна, но это не уменьшало силы и красоты её плавного движения.

— Ура! — крикнул Сидоренко. — Теперь ясно... Я знаю точно, где мы.

— И я знаю, где мы, потому что знаю, какая это река! — крикнул Микола.

— Какая? Какая? — в один голос закричали Нездыймишапка и Антошка.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ В ТРОПИЧЕСКОМ ЛЕСУ

Наши герои стояли на берегу, разинув рты. Один только Сидоренко был спокоен.

— Если я не ошибаюсь, — сказал он, — осталось пройти километров десять, и будет город. Его не видно за тем холмом.

— Больно тихо для города, — усомнился Никола.

— Это ничего, что тихо, а вот погляди на небо!

— Что ж глядеть? На нём ничего не написано, — удивлённо поднял голову Никола.

— Серьёзно? Не написано?

Лётчик явно подсмеивался над мальчиком.

Никола с недоумением указывал:

— Ну, что там? Смотри: вон птицы, вон облака, вон серый туман.

— И этого мало?

— Говори толком! — озлился Никола. — Нечего загадки загадывать!

— В самом деле, — вмешался Нездыймишапка, — чего парня зря мучить?

— Да я не мучаю! А только надо было больше читать. Я и сам здесь не бывал, а могу спорить, что за тем бургом будет большой город и называется он Пара.

— Как же ты узнал?

— Очень просто. Вон поглядите, ребята — птицы. Это ястребы, и Пара ими славится. Читал я много про Южную Америку. Они заместо голубей здесь. Серый туман, о котором говорил Никола, это дым от пароходов. Пара — морской порт, и в нём всегда много пароходов со всех концов света. А что шума нет, так это очень просто: город выше нас за бургом, шум и не доходит. Вот и всё. К тому же

тут и шуметь особенно нечему: заводов нету.

В это время тишину прервал низкий вибрирующий звук, постепенно вытеснявшийся над степью. Он плыл, казалось, издали, был слаб, но настойчив, и в тишине прекрасного вечера являлся единственным цельным стройным шумом.

— Вот вам и порт шумит, — продолжал Сидоренко. — Это, должно, или пароход пришёл, или уходит собрался. Одно из двух.

— Айда в город! — прервал разговоры Никола.

Бодро двинулись берегом вдоль реки, по течению. Золотой закат багровел, прижимая голубые остатки дня к изумрудной земле. Итти было трудно. То и дело приходилось обходить ручейки, ручьи, речушки. Густой лес неожиданно надвинулся сплошной стеной. Лавировать между деревьев было почти невозможно, так как лианы сплошь оплетали стволы, спускались с деревьев, переплетались между собой, образуя крепкие сетчатые стены.

В лесу стало совсем темно. Путешественники не видели друг друга. Сидоренко, как более опытный, подал совет:

— Ребята! Давай переключаться. Я буду говорить: «есть»! А вы — один за другим — отвечайте по имени.

Никола слышал, как кто-то сопит вблизи. Иногда тьма неожиданно сгущалась и принимала очертания человеческих контуров, но он не мог разглядеть, чей это силуэт. Потом тень исчезала, сопение прекращалось, и мальчику на минуту казалось, что он один, затерянный в неведомо диком и фантастическом лесу. Тогда, не дожидаясь Сидоренка, Никола кричал:

— Я, я — есть — Никола! Здесь!..

И из темноты доносилось глухое:

— Я — Антон Жуков!.. Здесь!..

— Я-а-а!.. Нездыйми-и-ша-а-пка-а-а!..

— Не робей, ребята! — орал Сидоренко, — я с вами. Покуда я жив, вы обеспечены.

Так они пробивались с полчасика. Сидоренко, очевидно, был где-то впереди. Вдруг раздался его голос:

— Стоп, ребята! Вали сюда, только потише...

Антошка двинулся наугад и столкнулся с Миколой.

У корней огромной пальмы они нашли Сидоренку и Неэздый-мишапку.

— Погляди туда, ребята! — сказал Сидоренко, указывая рукой.

Мальчики увидели робкий, мигающий огонёк. Он то появлялся, то исчезал.

Посоветовавшись, друзья решили двигаться на огонь. Это тоже было не легко. Тем более, что у путешественников не было топоров, тесаков или другого оружия, которым можно было бы прорубить путь в стене лиан.

Скоро друзья наткнулись на извилистую тропинку, итти стало легче, и движение ускорилося. Неожиданно на повороте блеснул потерянный было огонь, и тропинка уткнулась в мрачное небольшое здание, от которого падал свет на притоптанную траву.

Ни пристроек, ни служб вокруг не было. Здание представлялось необитаемым. И если бы не привлéкший внимание огонёк, пожалуй, можно было думать, что дом покинут.

Мальчики придвинулись к Сидоренку. Тот приложил палец к губам и сделал знак:

— Тс...

Затем он осторожно обошёл вокруг домика, подобрался к окну, из которого падал свет, и пригнувшись, поглядел внутрь.

Неожиданно, близко, над самым ухом Миколы, раздался резкий гортанный крик. Мальчики испуганно обернулись. Но сзади никого не оказалось. Сидоренко быстро выхватил «кольт» и приготовился к обороне.

Крик повторился. На этот раз ясно было: кто-то гневно выкри-

кивает на незнакомом языке.

Сидоренко тихо сказал:

— Здесь живут индейцы — сборщики каучука. Их, должно быть, двое. Один там сидит, в домике, и коптит сок, а другой, видно, возвращался, увидел незнакомых и кричит что-то по-своему. Привычные они. Ночью, как кошки видят. Стоит, наверное, где-нибудь за деревом и орёт. Хорошо, если без оружия, а то как бы со страху беды не наделап...

И, повернувшись к мрачной гуще подступившего леса, Сидоренко зарарал:

— Свой, камрад, камрад...

Гортанный крик повторился.

— Стой, скажу-ка я по-английски... Здесь многие говорят по-английски. — Он принялся выкрикивать непонятные товарищам слова. Но индеец не показывался. Крики его становились всё более гневными. Антошка вдруг завопил:

— Чего не понимаешь? Русские мы, советские — вот кто мы!..

И едва он это сказал, как от стволов отделилась высокая, стройная фигура, и перед друзьями вырос полуодетый человек, внимательно вглядывавшийся в их лица.

— Русь? Рррруссь? Совет? Ох, совет... — говорил он, и в голове его не было больше гневных ноток.

При свете, падавшем из окна хижины, его резко очерченное и в то же время полное мягкой мечтательности лицо выражало радостное удивление. Он не переставал повторять:

— Ох, ррруссс, совет, ох...

При этом он подводил то одного, то другого путешественника к окну, ставил под свет, гладил лицо, руки, одежду и повторял:

— Совет!.. совет...

Потом, подняв руку, он торжественно произнёс несколько слов. Друзья ничего не поняли, только последнее слово удалось

уловить:

— Ле-нин... Ленин...

Тогда они потянулись к нему и начали наперерыв пожимать его сухую мозолистую руку.

Вместо «здравствуйте», все говорили:

— Ленин! Ленин!

И индеец утвердительно и важно кивал головой, вежливо по-вторяя:

— Ленин! Ох, Ленин!

Затем торжественным жестом он пригласил всех в хижину. Здесь не было никакой мебели. Единственный заменявший стул ящик занят был вторым сборщиком каучука, тоже индейцем. Когда друзья вошли, он вскочил и что-то быстро заговорил, вопросительно поглядывая на своего товарища. Тот ему ответил на своём языке, но друзья расслышали знакомые слова:

— Prrрус, совет... Ленин...

Тогда и второй начал жать им руки, кланяться и приглашать остаться. При этом он прикладывал руку к сердцу, затем подводил глаза кверху, показывая двумя пальцами на потолок, широким жестом обводил гостей и затем показывал на пол.

Сидоренко подошёл к нему, похлопал по плечу и сказал:

— Ладно! Ладно! Остаёмся.

Индеец показал на угол и ещё раз произнёс:

— Совет... Ленин!

В углу висела запылённая старая фотография Ильича, помимоному, вырезанная из американской газеты.

Хозяева предложили сваренный в кошелёке кофе. Поужинав, все завалились спать на пальмовые листья.

Несмотря на то, что ни хозяева, ни гости не знали общего языка, они быстро научились понимать друг друга. С помощью жестов путешественники объяснили утром, как они попали в Бразилию.

Правда, никто не знал, поняли ли индейцы рассказ Сидоренка, до-полненный объяснениями Миколы, но как бы там ни было, все оста-лись довольны.

Завтрак составляли кофе и лепёшки с кокосовыми орехами. После завтрака, вместо того, чтобы итти к городу, друзья решили сходить с индейцами «их дорогой», — так называют в Бразилии путь, лежащий в лесу между каучуковыми деревьями.

Индейцы взяли свои острые топорики и взвалили на спины мешки с жестяными чашками. Первое дерево оказалось единствен-ным каучуковым деревом среди множества пальм, огромных, неви-данных до того перистых растений: всё это перепутано было все-возможными воздушными и ползучими растениями.

Когда путешественники проходили под огромным деревом, вершина которого терялась где-то над аркадой зелени, индеец вдруг схватил зазевавшегося Антошку и потянул в сторону. Как-раз на то место, где только-что стоял Антошка, шлёпнулся тяжёлый, твёрдый орех. Он был величиной с голову ребёнка. От падения кожа его лоп-нула. Внутри оказалось около двадцати вкусных трёхгранных оре-хов, каждый величиной с среднее яблоко.

Несмотря на кажущуюся непродоходимость первобытного бра-зильского леса, индейцы шли вперёд уверенно, сразу находя нуж-ное им каучуковое дерево в массе разнообразных стволов. Точно от дерева к дереву в этой непролазной глуши шла проложенная чело-веком тропинка.

Ствол каучукового дерева — толщиной с туловище человека. Он покрыт гладкой беловато-серой корой. На высоте двух сажен от земли ствол этот блестит, как серебро. Внизу ствол покрыт рубцами, наростами, а у самой земли цвет его переходит в чёрный. Кое-где кора покрыта полосами жёлтого цвета. Микола надрезал ножиком эту полосу и хотел отодрать кусочек «клея», как делал он дома с вишнёвыми деревьями. Но это оказалось далеко нелёгким делом:

сок потянулся за ним, вытянулся длинной ниткой почти на сажень от дерева и, наконец, оторвался.

Индейцы производили топориком глубокие надрезы на коре, стараясь не задеть ствола. Тотчас после удара начинал капать из раны белый, похожий на густое молоко, сок. Сборщики прикрепляли к стволам под надрезом чашки и уходили к следующему дереву. На некоторых деревьях, стволы которых были толще других, индейцы делали по несколько надрезов и к каждому прикрепляли чашку.

Так путешественники прошли по лесу много километров, наблюдая за работой индейцев. Те, видимо, были довольно внимательны. Уже высоко поднялось солнце, когда индейцы закончили свой обход. Теперь они начинали его сначала, чтобы собрать чашки. Микола и Антошка пошли с ними, чтобы помочь, а Нездыймишапка и Сидоренко возвратились в хижину и прилегли на пальмовые листья.

Возвратившись, индейцы не стали отдыхать. По их жестам друзья поняли, что медлить нельзя, ибо может испортиться каучуковый сок. Индейцы спили из всех чашек сок в большую миску, развели возле хижины костёр из ореховой скорлупы. Антошка думал, что они поставят миску с каучуком на костёр и станут варить, но они этого не сделали. Старший индеец достал длинную деревянную лопатку и опустил её в миску с соком. Потом мокрую лопатку, с которой свешивались нити каучука, он стал поворачивать над костром в дыму. От копоти каучук стал сгущаться, желтеть. Скоро на конце лопатки образовался кусок каучука, напоминающий окорок. Тогда другой индеец сделал на куске надрез, снял его и отнёс в сени, где в углу прикрытые пальмовыми листьями лежали десятки подобных кусков. В это время старший индеец снова опустил лопатку в миску и повторил манёвр. Так они работали, пока в миске ничего не осталось.

Было уже темно, когда индейцы, наконец, закончили со своей работой. Наши путешественники не напрасно ждали. Индейцы дали

им понять, что доведут их до города.

Скоро двинулись по невидимой в темноте, но хорошо знакомой индейцам тропинке и очутились на берегу реки, на каких-то досках, отдалённо напоминавших маленькую пристань. Здесь была привязана большая лодка. Все разместились, один из индейцев поставил парус, другой стал на руль.

Стоявший у паруса индеец извлёк из-под сидения несколько гамаков и указал друзьям, как их прикрепить к мачте и штокам.

Течение несло лодку к цели медленно, но верно. Спешить было некуда, в гамаках было прохладно. Приятно качивало, от ночной воды тянуло густым запахом прибрежных трав.

Вдруг заревел пароход, и из-за поворота реки показался огонь, потом другой. Разноцветные огни полпыли над водой.

Один из индейцев торопливо сел на вёсла. Рулевой усиленно заработал своим направляющим веслом. И сделал это как-раз вовремя: лодка еле успела вернуться от парохода.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ОПЯТЬ В ВОЗДУХЕ. АЭРОПЛАН НА ЛОДКАХ

Утром, с видом скачущих бездельников, бродили наши приятели по улицам города. У Сидоренка были английские доллары, и здесь их охотно принимали. Базар был завален грудами ананасов, кокосовых орехов, апельсинов, чёрного табаку, лепёшек, цветов. Разносчики предлагали купить обезьян, полугаев. Ястребы сидели на каждой крыше, на каждом шесте. Никто их не преследовал, и они вполне доверяли человеку. Ястреб здесь исполняет работу чистильщика улиц. Не успеет упасть что-нибудь с лотка, как сверху падает ястреб, и кусок исчезает.

Путешественники на трамвае пересекали весь город. Масса магазинов, зелёных садов, парков... Торгуют, торгуют, торгуют. И... рядом — истомлённые непосильной работой на затопленных водой лихорадочных каучуковых плантациях индейцы, голодные, нищие крестьяне, просящие подаяния среди этой богатейшей природы.

Гавань была полна самых разнообразных парходов, кораблей, лодок. Здесь были островитяне с устья Амазонки, загорелые, рослые жители Боливии, англичане, французы, немцы... Пароходы выгружали какао, перегружали каучук, рис, маниок, керосин, доски, треску. Всё это продавалось, перепродавалось — тем дороже, чем обильней было полито человеческим потом.

Вечером на вёслах плыли к пристани индейцев. До конца те оставались верными друзьями. И если хотели выразить почтение по какому-нибудь поводу, прикладывали руки к груди, низко склоняли головы и торжественно произносили:

— Ленин!

В ту же ночь друзья не без труда разыскали свой аэроплан, исправили при свете полной луны руль и взнеслись высоко над Амазонской долиной к Великому океану, до которого было около

трёх тысяч километров.

Недаром французское правительство рассчитывало на эту машину. После перелёта через Атлантический океан она теперь легко неслась над материком Южной Америки с востока на запад со скоростью двухсот сорока километров в час. Но этот перелёт был значительно трудней и опасней первого, так как предстояло лететь над высокими Кордильерами, — горами, покрытыми вечным снегом, в большинстве непроходимыми, о которых очень мало известно южноамериканским лётчикам и ничего не известно европейским.

Но эти трудности были впереди. Пока же внизу узкой стальной лентой извивалась Амазонка с её величественными притоками и зелёным бассейном.

Один за другим мелькали пересекаемые притоки. С юга промелькнули: Токантин, Аннапу, разветвлённый Хингу, Такайос, огромный Рио-Мадейра, со своей широкой дельтой в месте слияния. Здесь Амазонка разлилась настолько широко, что даже с той высоты, на которой летели наши путешественники, видно было, что река превращается в огромное озеро с бурлящей водой. Здесь начинается полоса обильных дождей. Европейцы не имеют представления о силе ливней в Южной Америке. Достаточно сказать, что средней силы ливень способен в каких-нибудь двадцать минут затопить равнину площадью в несколько тысяч квадратных километров.

Огромная, многоводная Амазонка и большая часть её притоков питаются, главным образом, водой, собирающейся в низменностях после ливней.

К счастью, Сидоренко знал свойства местности и, добавив газ, поднялся на тысячу триста метров. На этой высоте тучи были под машиной. Но возникла другая неприятность. Приблизилась ночь. Никто, конечно, в Южной Америке не позаботился расставить воздушные маяки, и лететь на такой высоте, имея впереди таинственные и страшные Кордильеры, было крайне рискованно. И спус-

каться было опасно, так как в вечерних лучах тропического солнца контуры и рельефы местности всегда обманчивы.

Сидоренко повернулся к ребятам, показал на землю, покачал головой и нажал рычаг высоты. Машина начала писать зигзаги, затем пошла спиралями, широкими кольцами; скоро вышли из облаков и увидели в тёмно-зелёных тенях необъятную равнину, на вид покрытую мелкой травкой. Но путешественники знали, что представляют из себя эта травка. Внизу был сплошной непроходимый лес, и спуститься на эту невинную травку значило повиснуть на каком-нибудь стапятидесятифутовом великане, чтобы через секунду лететь с этой высоты на землю, предварительно изобразив тела о крепкие, острые сучья.

Между тем, быстро темнело. Думать перелететь в темноте горы мог только сумасшедший. Спуститься в лес тоже нельзя было. Сидоренко быстро принял решение и направил машину к серевшей вдаль, снова превратившейся в реку, воде.

Река приближалась со страшной быстротой. С каждой секундой она становилась шире, всё больше выступали очертания берегов.

Стараясь держаться ближе к берегу, Сидоренко круто посадил машину в воду. Машина накренилась, врезалась правым крылом в ил и остановилась. Вода начала заполнять кабину.

— Выходи! — крикнул Сидоренко.

— Не выходи, а выплывай! — поправил Микола.

И действительно, к берегу пришлось пробираться вброд. Но Сидоренко заметил, что машину начинает сносить течением, и заорал:

— Куда? Назад? Машина пропадёт!

Все кинулись обратно и по пояс в воде стали оттягивать машину ближе к берегу.

Стало совсем тепло. Луны не было. Работать приходилось в

крошечной тьме.

Микола и Нездыймишапка нажали на одну сторону. Раздался треск. Микола шлёпнулся в воду.

— Тише, черти! Крыло сломали, — удручённо сказал Сидоренко.

Фыркая и отплёвываясь, поднялся Микола. Сидоренко хлопал в воде, щупая машину и бормотал что-то невнятное.

— Ну, ладно, — сказал он, — утро вечера мудренее. Айда на берег. Надо спать, а утром дела хватит...

Привязав машину и убедившись, что ей не грозит быть унесённой течением, ребята начали переносить провизию и палатку на берег. Ощупью растянули полотно, собрали валежник. Нездыймишапка развёл огонь. Скоро на берегу запылал большой костёр.

— Вали! Вали! — говорил Сидоренко — здесь лес не загорится, хоть и горючий, но мокрый всегда...

Спали в гамаках, прикреплённых к стволам деревьев. Утром, чуть свет, Сидоренко уже возился у машины.

— В таком виде через горы не полетишь, — решил он. — Надо что-нибудь делать. Хоть до города бы добраться, а там можно машину в два счёта починить.

К счастью, на реке оказались две большие лодки. Хозяев поблизости не было. Но условия, в каких находились путешественники, не позволяли особенно заботиться о принципах законности. С большим трудом, общими усилиями, подтянули лодки под аэроплан, привязали машину к лодкам так, что колёса остались под водой, между лодками, а корпус очутился на лодках, над водой, и разместились в кабине, словно собрались снова лететь.

— Вот теперь махнём по воде! — заявил Сидоренко и дал полный газ.

По счастью, запасов бензина было достаточно, и лодки понеслись против течения с огромной быстротой. Иногда они вздыма-

лись носами настолько, что, казалось, собираются подняться на воздух. Но опытная рука Сидоренка во-время нажимала соответствующий рычаг, и движение продолжалось.

Вдруг Сидоренко застопорил машину.

— Нет, так не годится. Так мы год будем плыть против течения. Есть другой путь. Заводи вёсла, поворачивай обратно.

Ребята не расспрашивали, а принялись проделывать сложный в данных условиях манёвр.

Скоро лодки неслись вниз по течению с быстротой около ста двадцати километров в час. Навстречу попался пароход. Он начал давать тревожные сигналы, но друзья не останавливались и промчались мимо парохода так, словно их вовсе не касались сигналы.

В девять часов утра импровизированный гидроплан прибыл к устью Рио-Негро, впадающей в этом месте в Амазонку. Обогнув селения в устье, не обращая внимания на испуганных жителей, друзья помчались на север, вверх по Рио-Негро. Машина неслась по неширокой, но полноводной реке, скорость упала до восьмидесяти километров в час. Через пять часов, однако, достигли Касиквиара — естественного канала, соединяющего Рио-Негро с большой рекой Ориноко. Канал был покрыт в полчас. Затем снова, с быстротой в сто двадцать километров, друзья помчались по Ориноко.

К вечеру сказочный пробег был закончен, и путешественники очутились снова на берегу Атлантического океана, несколько северней пункта своей первой посадки, в жалкой венесуэльской деревне, населённой дикими индейцами.

Последнюю часть пути пришлось проделать по ничем не защищённой реке, так как долина Ориноко далеко не так лесиста, как долина Амазонки. Большая часть течения приходилась на дикие степи, покрытые невысокой травой. Эти степи назывались «лыаносами».

Усталость давала себя чувствовать. Рассчитывать на помощь

людей не приходилось. Культуры — никакой. Оказалось, что и полёт и фантастическое плавание не привели ни к чему. Друзья топтались на месте, не взирая на огромную быстроту своего движения.

— Надо как-нибудь чинить машину, — решил Сидоренко, — и пробираться через Караибское море, Панамский канал к Великому океану. Если лететь, утром будем там. А вдоль берега лететь можно и ночью. Огней хватит...

— А я бы посоветовал, если чинить машину, так уж итти прямо над материками в Нью-Йорк и там ждать наших, — сказал Микола.

— А я бы посоветовал... — начал Нездыймишапка.

— А я бы посоветовал, — передразнил Сидоренко — я бы посоветовал раньше всего закрепить крыло, потом уж и лететь.

Между тем, с ближайшего острова стали доноситься смутные крики, вскоре превратившиеся в рёв и вой. Приглядевшись, друзья увидели на берегу толпу голых людей, вооружённых луками и стрелами, изредка винтовками. Они размахивали над головами оружием и приближались к машине.

— Караобы! — сказал Сидоренко. — Эти много опасней гор. Надо скорей ладить машину, а то никогда отсюда не выберемся.

Индейцы приближались, окружая со всех сторон аэроплан. Когда они были совсем близко, и передние начали осторожно опускаться в воду, Сидоренко закричал:

— Вали, ребята, в кабину! Я знаю, что делать!

Команда была мгновенно выполнена. Забравшись в кабину, друзья начали в окна следить за движением индейцев.

Скоро вся река была полна людьми. Они кричали, били себя в грудь и наступали с явным озлоблением.

— Ну, как им дать понять, что мы не враги, что мы из СССР? — сокрушённо сказал Микола. — Ведь те были культурные, поняли нас, а эти не поймут...

— Разве попробовать? — предложил Нездыймишапка.

Но Сидоренко сказал:

— Напрасно! Запуганы они, забиты. Здешные помещики держат их в чёрном теле специально, чтоб выжимать было легче.

Караибы всё приближались. Теперь они уже окружили аэроплан тесным кольцом.

— Ну, ладно... — сказал Сидоренко, — начнём, что ли?

С этими словами он дал ход мотору. Едва разнёсся рёв машины, как караибы остановились и начали пятиться. Но когда Сидоренко дал полный газ и направил машину в самую гущу толпы, началась невообразимая паника. Индейцы кидали оружие и стремились, давя один другого, бросились к берегам. А машина, вырвавшись из круга, помчалась дальше в открытое море.

— Даёшь север! — сказал Микола.

— Правильно! — подтвердил Сидоренко. — Сначала на север, потом на запад.

Приблизительно через час после бегства от индейцев из плумрака океанских сумерек неожиданно вырос зелёный массив известного, густо заросшего острова.

Усталость брала своё, и друзья знаками стоворились пристать к острову, чтобы сварить пищу и отдохнуть.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ ПРИКЛЮЧЕНИЕ НА ЯМАЙКЕ

Несмотря на душную синюю мглу тропического вечера, Сидоренко с удивлением увидел, что остров почти от самой воды представлял собою тщательно возделанные плантации табаку и кофе. Чувствовалось близкое присутствие крепко налаженного человеческого жилья, но эта близость не сулила ничего утешительного.

— Ну, хлопцы, держи ухо востро, — опасно произнёс он. — Чего доброго, к лешему в зубы не попасть бы...

— К какому лешему? — не понял Антошка.

— К двуногому, — загадочно понизил голос лётчик.

— А что такое? — насторожился Нездыймишапка.

— Очень просто. Куда мы попали? Чьи это плантации?

— Кто же может сказать?.. — развёл руками Микола. — Плыли наугад, море неведомое, дорог никаких не знаем... Тут до века не сообразишь, куда втюрились.

Лётчик по-заговорщицки оглянулся и торопливо заговорил полголоса:

— Судя по карте, какую мне удалось купить вчера в городе, это остров Ямайка... или остров Куба. Скорее всего Ямайка: Куба должна быть больше. А раз так, значит мы, как кур во щи, в лапы англичан попадёмся. Ямайка ведь Англии принадлежит...

— Что же делать? — спросил Нездыймишапка.

Лётчик на мгновение задумался. Потом твёрдо и решительно заявил:

— Один путь у нас: в Мексику пробираться. Тут везде враги хуже тигров, а в Мексике наше полпредство есть. Доберёмся до него — спасены.

— Эх, не догадались вчера полпреду телеграмму двинуть, — горестно вздохнул Нездыймишапка.

— Что не догадались, то пропало.

— Как бы всё-таки здесь не вляпаться?..

— По-моему, так: главная цель — крыло починить. Ведь на чём мы едем? Пароход — не пароход, лодка — не лодка, плот — не плот, — одним словом, ни богу свечка, ни чорту кочерга. На таком изобретении далеко не ускачешь. А починим аэроплан, тогда мы сами себе хозяева, — попробуй, поймай нас тогда!

— Кто же чинить-то будет? Не англичане же! — с недоумением вытянул шею Микола.

— Англичане? Они тебе так починят, забудешь потом, каким местом сидеть надо!

— Молчи, Микола, — остановил Нездыймишапка.

— Сам починю! — горячо и непреклонно, готовый на отчаянную попытку, произнёс лётчик. — Паяльник у меня есть, щипцы, плоскогубцы, стальная проволока, — всё в инструментальном ящике в порядке. Пока ночь и ничего не видно, стойте по очереди на карауле, а я немножко послулю. Огня не разводите, варить ничего нельзя. Поешьте орехов, бананов, и будете сыты.

Сидоренко разостлал на сухом, ещё не остывшем от дневного зноя песке свой плащ и лёг.

— Ну, кому сначала дежурить? — спросил Нездыймишапка Миколу и Антошку.

Вечер с обычной под тропиками быстротой перешёл в ночь, и лиц юных спутников почти не было видно.

— Могу я заступить, — сказал Микола.

В это время где-то далеко во мраке послышались человеческие голоса. Все чутко насторожились. Голоса были смутны и непонятны. Они звучали приглушённо, будто сквозь сон, не приближаясь и не удаляясь.

— Должно быть, жильё в той стороне, — прошептал Антошка.

— Давайте лучше втроем сторожить: одному-то страшно, и, пожа-

луй, проворонишь момент в случае опасности.

— Верно, одному не управиться, — согласился Нездыймишапка. — А сонный — что мёртвый.

— Только бы выбраться отсюда благополучно. Выспаться всегда успеем, — отозвался Микола.

Ночь была душная и жаркая. Земля дышала распаренной влажностью неизвестных цветов и трав, головокругительные, необыкновенно сильные пряные запахи слепыми блуждающими волнами шли с острова, точно там были пролиты целые ведра духов. Голоса в отдалении скоро погасли. Настала глубокая тишина. Только изредка было слышно, как в океане всплскивали ночные играющие рыбы.

После полуночи на острове вдруг раздался рипящий звук, похожий на скрип открываемых деревянных ворот, и сейчас же чётко донёсся топот лошадиных копыт по мягкой пыльной дороге.

— Что такое? — проснулся лётчик.

— Тш... — зашептал Антошка. — Кто-то, должно быть, верхом на лошади поскакал.

Лётчик прислушался: топот уходил вдаль, в глубину острова.

— Черти!.. — проворчал он. — Отдохнуть не дадут.

Поворочался несколько минут и заснул снова.

А Микола дёрнул за рукав Нездыймишапку:

— Ловко спит? А? Чуть что, уже сам проснулся, будто и глаза не закрывал.

— Одним ухом спит, другим слышит, — улыбнулся невидимой в темноте улыбкой Нездыймишапка. — Тёртый калач, бывал в педделках. С таким не пропадёшь!

Едва только забрезжила, заря, как лётчик уже был на ногах. Он лихо радочно втащил аэроплан с лодок на берег, развёл паяльник и с необыкновенной быстротой стал скреплять сломанные части крыла. Работа у него под руками кипела. Тонкой стальной проволо-

кой, как перевязочным бинтом, он стягивал расплзшиеся соединения. Самым страшным и рискованным в его работе был ничем не заглушаемый шум паяльника. Синее пламя гудело с густым остервенением, и шум его в прозрачном утреннем воздухе разносился, вероятно, очень далеко. И, действительно, скоро из-за прибрежных кустов кофейной плантации показался очень подозрительный человек, с лёгким желтовато-белым шлемом на голове, сделанным из какой-то узловойй мелкой соломы. Точно такие же шлемы ребята видели третьего дня в городе на английских полицейских. Человек с большими предосторожностями приблизился к аэроплану, несколько мгновений молчал, потом строго спросил по-английски:

— Откуда?

Лётчик сердито взглянул на подошедшего и неопределённо покрутил рукой на юг, в сторону океана.

— А кто вы такой? — снова задал вопрос незнакомец.

Лётчик смерил его с головы до ног и, не прекращая работы, коротко бросил:

— Англиш. Англичанин.

— Эн-глиш? — изумился подошедший.

— Да, сэр.

— А это? — указал полисмен на Миколу.

— Тоже англиш.

— А это? — с явным недоверием ткнул островитянин на Нездыймишапку и Антошку.

— Тоже англиш. Мы все англиш.

Шлем насмешливо скривил губы и потянулся рукой к оттопыренному карману, в котором, судя по выпуклостям материи, находился револьвер. Но лётчик во-время заметил это движение и, мгновенно выхватив свой кольт, предостерегающе поднял его перед лицом спешком наяливого незнакомца. Тот сейчас же опустил руку. А Сидоренко, веско потрясая кольтом, указательным пальцем левой

руки тыкал в заводское клеймо на револьвере и пояснительно повторял:

— Это тоже англиш.

— А-а... — растерянно раскрыл рот островитянин и боязливо попятился. Он хотел сейчас же броситься бежать в селение, чтобы поднять тревогу, но Сидоренко резко погрозил ему и закричал Нездыймишапке:

— Бери у меня револьвер! Скорей! Не давай этому гусю с места сойти. Держи его на мушке, пусть стоит столбом, пока я чинку не кончу.

И, обратясь к ретивому англичанину, с едкой любовью сказал по-французски:

— Будьте любезны, сэр, подождать немного. Мне осталось работы не больше, чем на полчаса.

Островитянин плотно сжал губы, лицо его залилось злобыным багровым румянцем, глаза с осоловелой беспомощностью заметались из стороны в сторону. Нездыймишапка с неподвижной уверенностью целился ему прямо в голову, и он стоял, как солдат на часах, не смея даже пошевелинуться.

Никогда не были так лихорадочно быстры, точны и ловки движения лётчика, как в эти полчаса. Три юных жизни и его собственная находились в зависимости от того, сумеет он привести аппарат в состояние, годное для полёта, или нет. Ум его работал с крайним напряжением, вся сила сметливости и находчивости сосредоточивалась на повреждённых частях. Нужно было предусмотреть каждую мелочь, потому что малейшая несправильность могла потом оказаться гибельной и катастрофичной при полёте. Пот крупными каплями стекал с взволнованного лица лётчика. Микола и Антошка, исполняя разные поручения, ползали под крыльями аэроплана и помогали, чем только могли.

Между тем, огромное тропическое солнце поднялось из-за

океана, и жара стала быстро увеличиваться, словно кто-то открыл в небе пламенный кран. Жизнь на острове давно уже пробудилась, это было ясно по множеству трудовых будничных звуков, доносившихся из ближайшего селения, расположенного за кофейными плантациями. В любой момент на берегу могли появиться люди, и тогда положение путешественников оказалось бы критическим, так как с одним единственным кольцом они не в состоянии были бороться против толпы, которая наверно сбежалась бы моментально, как только распространился бы малейший слух о неожиданном пленении полицейского неведомыми иностранцами. Стоя под дулом револьвера, островитянин с ожиданием и надеждой смотрел вбок, на уходящие вдаль плантации. Наконец, его угромо сдвинутые брови дрогнули, глаза вспыхнули дикой радостью, он невольно вытянулся. Нездыймишапка глянул на плантации, и у него захватило дух: из-за кофейных кустов приближалась странная длинная подвода, похожая на крымскую мажару, с двумя взрослыми мужчинами.

— Сидоренко! Люди! — пересохшим от волнения голосом крикнул Нездыймишапка.

Лётчик выгнулся из-за крыла и кинулся собирать инструменты. Через несколько мгновений он уже пустил в ход пропеллер. Аэроплан, сотрясаясь, задел вольным ветровым рёвом. Запряжённые в мажару кони от испуга вскинулись на дыбы и бешено понеслись в сторону, по табачным и кофейным плантациям, как по горящей степи.

— Антошка, Никола! Лезьте в кабину! — крикнул лётчик.

Потом метнулся к англичанину и, галантно приложил руку к козырьку.

— Извините, сэр, что задержал вас. До свидания. Кланяйтесь вашей бабушке.

Широким поспешным жестом Сидоренко показал, что англичанин должен немедленно убираться по добру, по здоровью во-

своеси.

Полицейский, неуверенно моргая и озираясь, не поворачиваясь к лётчику спиной, стал пятиться в кофейные кусты. Со стороны дальних плантаций подбегали люди.

— Скорей, скорей! — крикнул вдогонку полицейскому лётчик. Затем лёгкими цепкими движениями занял своё место, и аэроплан плавно покатился по прибрежной полянке. Прокатившись сажен десять, аппарат мягко отделился от земли.

В этот момент внизу грянул выстрел. Пуля, как шмель, бжигнула около уха лётчика.

— Ах, подлец, ещё стрелять вздумал? — вскипел он. — Я ж тебе покажу!

Сидоренко круто повернул руль и через туго натянутые стальные тросы посмотрел на землю. Там, задрав вверх голову, стоял англичанин в шлеме и целился в аэроплан.

— А ну, Нездыймишапка, щёлкани его как следует! — знаками указал лётчик: за шумом пропеллера голоса уже не было слышно.

Нездыймишапка прищурил левый глаз и выстрелил.

Желтовато-белый шлем слетел с англичанина, точно его сдёрнула невидимая рука или сорвал внезапный порыв ветра.

Лётчик оглянулся сияющим лицом на ребят.

Полицейский выронил револьвер, в страхе обхватил обеими руками голову и побежал, не разбирая дороги, напрямик по плантациям.

Сидоренко повернул руль и погнался за ним. Англичанин остановился и переменял направление. Подбегавшие люди кинулись врассыпную. Лётчик сделал дугообразный вираж и снова погнался за полицейским. Тот, выбываясь из сил, опять переменял направление. Лётчик свирепой стрекозой описал петлю и снова направился вслед за беглецом. Эта гонка продолжалась до тех пор, пока полицейский в изнеможении упал.

— Хватит с тебя! Ещё, чего доброго, расстройство желудка получишь, — рассмеялся лётчик и круто стал забирать высоту.

Скоро остров, как зелёный корабль, остался глубоко внизу. Кругом на необозримое пространство расстиралась синяя гладь океана, и прямо в глаза било ослепительно знойное сияние солнца. Микола посмотрел на компас: аэроплан, как пущенная из мощного лука стрела, шёл на запад.

После бессонной ночи ребята испытывали утомление, но это утомление от сознания счастливо избегнутой опасности было светлым и лёгким необыкновенно.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ НОВЫЕ ОПАСНОСТИ

Уже больше двух часов стальной рёв аэроплана разрезал синий воздух над океаном, уже покоем и утешительными надеждами наполнились сердца Микола и Антошки, когда на горизонте узкой грядой показалась земля. Земля, приближаясь, вырастала, как облако, и скоро в маленькой бухте, похожей на слегка разогнутую подкову, стал вырисовываться, точно белое широкое гнездо, какой-то город. Лётчик пристально посмотрел на карту, оглянул, сравнивая, местность и на весь голос крикнул назад, в кабину:

— Гавань Вера-Круц!

Никто не разобрал этих слов, но по уверенному весёлому лицу лётчика каждый понял, что всё в порядке: путь верен, план выхода из тяжёлого положения правилен, впереди, несомненно, должна быть помощь.

Сидоренко в уме подсчитывал расстояние, которое осталось от Вера-Круц до города Мексико, столицы Мексиканской республики, где среди различных дипломатических посольств находилось и советское полпредство. Подсчёты показывали не больше часа полёта, и Сидоренко спокойными руками держал ритмически вздрагивавший руль, отдаваясь безмятежным мыслям о том, как он вернётся на родину и какая удивительно счастливая жизнь начнётся у него после долгих лет вынужденного скитания по чужбине. Внизу проносились горы, долины, леса, ручьи, дороги, селения, — земной ковёр, поминутно меняясь, проплывал со сказочным разнообразием цветов и узоров.

И вдруг в бензиновых баках послышалось резкое злое гудение, так хорошо знакомое лётчикам, вселяющее в них панический страх и растерянность: гудение обозначало, что бензина нет, что стальное, жужжащее сердце аппарата скоро остановится, и аэро-

план окажется тогда в воздушной стихии беспомощной щепкой, готовой в любой момент погибнуть. Сидоренко внезапно ощутил холод во всём своём теле. Он оглянулся назад, на ребят, и те изумились его необычайной бледности, лихорадочному блеску усталых глаз, вспыхнувших тревогой и смятением. Глубоко внизу была сплошная зелень густых горных лесов, среди которых лиловато-серыми пятнами виднелись голые скалы. Сидоренко лихорадочно метался глазами по этой зелени, ища хоть какого-нибудь места, где можно было бы опуститься. Но нигде ничего удобного не было. Внезапно мотор стал давать перебои, словно его кто-то душил, и он задохнулся в конвульсиях и судорогах. Несколько минут мотор ещё работал — дикими скачками, испуганными порывами, — но, наконец, задохнулся и замолк совершенно. Лётчику оставалось одно: спланировать вниз, по возможности, медленнее, на первое попавшееся свободное пространство, хотя бы самое ничтожное, чтобы не разбиться при посадке о деревья или о скалы. На мгновение Сидоренку показалось, что где-то справа мелькнула песчаная плешина, и он наугад повернул аппарат в ту сторону. Аэроплан, как коршун на распластанных крылах, безмолвно стал снижаться. И, действительно, меж лесами через секунду показалась узкое песчаное пятно. Нужна была совершенно исключительная ловкость и сноровка, чтобы дотянуть до открытого места, чтобы не посадить аэроплан на широко раскинувшиеся сучья деревьев. Пролетев над самыми верхушками леса, аппарат с плавным разбегом сел на песок.

— Вот счастливо, — не веря самому себе, проговорил Нездыймишапка. — Я думал — смерть.

— Да, — бледной улыбкой улыбнулся лётчик, — мимо смерти не больше, как сажень на двадцать проскочили. Опустись аппарат на пять секунд раньше — крышка!

Микола и Антошка, разминая ноги, выскочили из кабины. Но не успели путешественники опомниться, как из лесу, стре-

ля из револьверов в воздух, к ним поскакали три всадника, повидимому, военные.

Кони летели карьером. Из-под копыт у них дымом клубилась пыль. За всадниками сейчас же показались пешие солдаты, с обнажёнными шапками бегущие тоже к аэроплану.

Ни Сидоренко, ни ребята ничего не понимали. На мгновение им показалось, что это какой-то нелепый сон, кошмар, видение, режут тех страхов, которые они только-что пережили. Но кавалеристы уже подлетели к аэроплану и угрожающе соскочили с сёдел.

— Кто вы такие? Ваши документы! — накиннулись они на Сидоренку, как на самого старшего.

Сидоренко, плохо понимавший по-английски, от неожиданности не мог произнести ни слова. Он с недоумением оглядывался на своих юных спутников. Ребята, измявшие и испачкавшие глиной и илом свои костюмы за последние дни, имели очень подозрительный вид полуоборванцев, полубродяг.

— Кто вам позволил летать над артиллерийским полигоном? — насканивал старший из кавалеристов, очевидно, офицер.

— Над полигоном? — пожал плечами Сидоренко.

И, с недоумением оглянув кавалеристов, сказал по-французски:

— Мы летели над океаном, над лесами и горами вашей страны. Но над полигоном...

— Что вы притворяетесь наивным простачком? — вскипел офицер. — Точно вы и в самом деле не знаете, что это полигон и что сегодня наш корпус производит учебную стрельбу. Шпионить прилетели?

— Что вы сказали?

— Я вас спрашиваю, кто вы такие?

Сидоренко быстрым взглядом обвёл своих спутников и решил идти напрямик.

До столицы оказалось совсем недалеко — около шести километров.

— Чуть-чуть не долетели... — вздохнул Никола.

— Всего каких-нибудь три фунта бензину, и были бы сейчас на аэродроме. Встретили бы нас с музыкой, торжественно... — улыбнулся Сидоренко.

— А теперь, пожалуй, в тюрьму отправят.

— Очень просто.

Скоро оказался город. В штабе к арестованным отнеслись недоверчиво, но гораздо внимательнее и вежливее, чем на полигоне.

— Позвоните, пожалуйста, в советское полпредство, и вам всё станет ясно, — предложил Сидоренко, когда увидел, что к его объяснениям относятся очень скептически.

По распоряжению начальника штаба, дежурный адъютант тут же позвонил. Из полпредства что-то коротко ответили, и на этот незнакомый ответ адъютант с лёгким, незаметным для самого себя поклоном ответил в трубку:

— Прекрасно. Мы вас ждём.

Через пятнадцать минут в штаб приехал секретарь полпредства. Сидоренко и ребята обрадовались ему, как родному брату. Один перед другим они наперебой стали рассказывать историю своих неожиданных скитаний. Антошка Жуков и Нездыймишапка показали выданные Авиахимом документы, которые после памятного приключения с Антошкой в самом начале путешествия Шварц выдал им на руки.

Секретарь полпредства тщательно осмотрел документы, поверил печати и штампы и, улыбнувшись, похлопал Антошку по плечу:

— Ну и накуралесили же вы, судари мои!

Потом обратился к лётчику и стал подробно расспрашивать

— Русские.

— Рус-ски-е? Большевики?.. — попытился офицер, точно стоявшие перед ним люди вдруг превратились в тигров или леопардов.

Никола неопределённо чмыкнул носом.

— Мы направляемся в советское полпредство, — объяснял Сидоренко, — чтобы ехать дальше к себе на родину.

— Взять их! — крикнул офицер подбежавшим солдатам.

— Позвольте... — запротестовал Сидоренко.

— Взять! — нетерпеливо толкнул ногою офицер.

Солдаты с шашками наголо окружили путешественников.

— Это неслыханно! Понимаете, чудовищно!.. — возмущался Сидоренко. — Везде и всюду в мире лётчикам, потерпевшим крушение или снизившимся из-за поломки, оказывается содействие, им помогают, а вы арестовываете! Прошу немедленно дать знать о ваших подвигах в советское полпредство.

Но офицер уже не обращал на арестованных никакого внимания.

— Сейчас же отправляйтесь в город и сдайте этих непрошенных летунов в штаб корпуса! — распорядился он солдатам.

— А аппарат? Кто за него будет отвечать? — запальчиво повысил голос Сидоренко.

— Не беспокойтесь. Общцем и тоже отправим в штаб корпуса.

— Вот так Мексика! — тряхнул головой Нездыймишапка.

— Лёшева сторонушка, что и говорить! — крикнул Антошка.

— Страна, как страна, — поправил Сидоренко. — Офицерский наскок ещё ничего не доказывает. Только бы до полпредства добраться. А этому ретивому молодчику за его дурацкую прыткость влетит.

Солдаты сначала были настроены очень сурово. Но, присмотревшись к неунывающим путешественникам, пробовавшим даже шутить с ними, они обмякли, стали добрее и проще.

его о всех превратностях жизни, выпавших ему на долю с девятьсот четырнадцатого года. Выслушав рассказ Сидоренка, секретарь повернулся к начальнику штаба и очень сурово и хмуро заговорил с ним. Тот изумлённо вскидывал на лётчика глаза и в недоумении разводил руками. Очевидно, грубость обращения на артиллерийском полигоне была ему крайне неприятна. В конце концов начальник штаба, галантно расшаркиваясь, вынужден был попросить извинения за происшедшее неприятное недоразумение и уверил секретаря, что виновные получат строжайший выговор, аэроплан же немедленно будет доставлен в советский гараж.

— Ну, товарищи, едем теперь в полпредство, — сказал секретарь.

И путешественники, ещё час тому назад входившие в штаб, как арестованные, вышли теперь оттуда с независимым видом вольных людей, с достоинством и превосходством поглядывающих вокруг. Правда, их оборванные костюмы были жутковаты, но это не мешало испытывать чувство счастья и освобождения.

«Повко отделились!» — подумал Микола.

В полпредстве путешественников встретили с теплотой и приветливостью. Сейчас же было дано распоряжение купить им новую одежду, необходимую для дальнейшего путешествия. Затем на коротком совещании было решено, что ребята вместе с лётчиком Сидоренком отправятся на пароходе через Гватемалу, Гонконг и Шанхай во Владивосток, а оттуда экспрессом через Сибирь в Москву, — и таким образом, объехав вокруг света, вернуться на родину. Полпредство заказало билеты и выдало на дорогу соответствующую сумму денег.

На следующий день утром Нездыймишапка, Антошка и Микола во главе с лётчиком поднялись на огромный, прибывший в порт, английский океанский пароход «Джейгентик». На пароход долго грузились всевозможные товары, над палубой гремели цепи подъём-

ных лебёдок, у бортов суетились матросы, как муравьи сновали смугло-жёлтые косоглазые китайцы — полуголые, потные грузчики из трюма. Потом бархатной густой октавой трижды взревела в небо широчайшая труба, и пароход, содрогаясь крепким сердцем машины, плавно вышел в океан.

— Ну, наконец-то попали мы на настоящий путь! — облегчённо вздохнул Нездыймишапка. — А то пугались чорт знает по каким дёбрям.

— Зато теперь дело в шляпе. Дорога, как стрела, — уверенно вскинул голову Микола. — Плыви, посвистывай, и никаких гвоздей.

— Смотри, не просвистись.

— А чего?

— Да как свистуны просвистываются. Опять не вляпаться бы.

— Ну-у, теперь мы учёные! На аэроплане больше не полетим.

— Я думаю, — подмигнул Антошка.

— Налетались досыта.

На пароходе было много народу. Мексиканские купцы в белых, тщательно разглаженных костюмах, с золотыми перстнями на толстых пальцах, ехали в Гонконг и Шанхай, английские коммивояжёры, важные и высокомерные, как сановники — в Японию. Они помешались на верхней нарядной палубе, среди многочисленной публики. Некоторые из пассажиров гуляли вдоль бортов, некоторые сидели, развалившись в лонгшезах.

Вскоре по выходе в океан внимание ребят привлекла странная фигура в японском халате, с видом хозяина прошедшая по палубе. Оказалось, что это капитан. Лицо его было красно, глаза дымно возбуждены.

— Да он пьяный. Смотрите, смотрите... — зашептал Антошка.

— Назюзился, сердешный.

Надменно прищурившись, с кривой блуждающей усмешкой, капитан осмотрел публику и снова прошёл к себе в каюту. Но вече-

ром, когда он поднимался на капитанский мостик, на ночную вахту, его нельзя было узнать: одетый в белоснежные брюки и короткий двубортный синий мундир с ослепительным крахмальным воротничком и манжетами, он был похож на человека, отправляющегося на бал.

Однако, на следующую день утром Антошка видел капитана снова пьяным, снова в халате, около своей каюты. Он с кем-то разговаривал хриплым дурашливым баритоном. Сначала Антошка не понимал, к кому относились слова капитана. Но вот тот коротким гортанным голосом воскликнул наконец:

— Джон! Иси...

И из каюты лёгкими быстрыми прыжками выскочил большой породистый понтёр, меднокрасного цвета.

— Джон, Джон!.. — шагнул к нему капитан. Дальше шли непонятные, неуповимые английские слова, при чём после каждого из них понтёр выделял какие-нибудь замысловатые фокусы.

Вдруг капитан резко, приказательно свистнул. И сейчас же, как из-под земли, вырос желтолицый бой, китаец-слуга.

Капитан кинул ему какое-то слово. Бой мгновенно метнулся и через минуту в дорожной фарфоровой тарелке принёс собаке супу на завтрак. Ставя тарелку на пол, он слегка отстранил кинувшегося к нему понтёра. Прикосновение боя к собаке привело капитана в непонятное бешенство. Он наотмашь ударил китайца кулаком по лицу. Тот дико мотнул головой, схватился за щёку и, как неслышная тень, прыгнул в сторону. На губах у него показалась кровь.

Сердце Антошки переполнилось ненавистью к капитану и жгучей жалостью к бою. Он побежал к лётчику и рассказал ему о случившемся. Лётчик, припоминая английские слова, расспросил матросов. Те с улыбкой рассказали, что капитан питок, каких мало, воду хлещет целыми днями напролёт, и не рюмками, а стаканами, как воду из ковша.

— Собаку по имени вызывает, если она ему нужна, а китаец — обязательно свистом. Это же специально собачий лакей. Кроме Джона он никому не прислуживает. А бьёт его капитан ежедень раз по пятнадцати. «Кого ж, говорит, и бить, если не этого желторожего? С китайцами самый лучший разговор — кулак!»

В тёмном трюме, куда спустились лётчик и Антошка, они нашли измазанного кровью китайца. Щека его припухла, глаза были красны от скупых, беспомощных слёз. Бой знал немного по-английски. Ломаным языком он рассказал, что у него в Нанкине жена на работница на японской шёлковой фабрике и пять человек детей, что за свою службу в качестве собачьего лакея у капитана он получает всего три доллара в месяц и столько же, приблизительно, получает жена на фабрике.

Антошка быстро сунул руку в карман, достал кошелек и протянул несчастному бою несколько серебряных монет. Китаец с благодарностью закланялся, растроганно, кротко и очень мягко. Потом в течение целого дня Антошка горячими гневными глазами следил за капитаном, следил неотрывно и зло, как за своим личным врагом, которому решил отомстить во что бы то ни стало.

— Ты что задумал? — спросил Никола, увидев недобрый блеск во взглядах своего друга.

— Чорта пьяного хочю укоротить.

— Капитана?

Антошка еле заметно кивнул головой, и тонкие брови его хмуро сдвинулись.

— Антоша... Друг!.. Не делай ничего.

— А как же?

— Пропадём ведь! Подумай: кругом вода, ни убежать, ни скрыться, — пучина во все стороны.

— Но если он человека из-за собаки по чем зря бьёт? Собаке барская жизнь, а человечья доля хуже самой паршивой собачьей!

— Всё равно мы одни ничего не изменим. С этим не так надо бороться.

Микола с подкупающей дружеской теплотой и убедительно-стыю начал всячески отговаривать Антошку от необдуманного, рискованного поступка. Антошка постепенно затих и замолк.

Путь через океан был утомителен и долог. Первое время ребята очаровывали изумительные восходы и закаты солнца, когда и небо и вода на необозримое пространство загорались тысячами непостижимых красок и огней. Но скоро эти пустынные, величественные огни уже не волновали, не вызывали того необыкновенного чувства восхищения, как вначале. Беспредельный плеск волн и неумолкающий шум моря о закованные в броню борта парохода порождали тягучее однообразие. Хотелось простой, твёрдой, неподвижной земли, людей, деревьев, растений, домов, спокойного земного уюта.

И когда однажды утром на восходе солнца показался город Гонконг, ликование ребят не было пределов. После остановки парохода они сейчас же сошли на берег. Лётчик, как знающий самые необходимые английские слова и хорошо владеющий французским языком, был проводником. Микола, Антошка и Нездыймишапка с любопытством смотрели на яркую пестроту восточного города, на бронзово-тёмных индусов, стройных и молчаливых, на богатых китайцев в жёлтых и синих шёлковых костюмах, на переливающиеся движение и цветистую многокрасочность шумных базаров. День в Гонконге — прошёл, как ослепительно разнообразный сеанс в кинематографе.

Потом снова было море, снова плеск рассекаемых боками парохода волн — и крепкое, мощное гудение машин внизу, под палубами.

— Ну, завтра будем в Шанхае, хлопцы, — сказал за обедом лётчик.

— В Шанхае? — вдруг встрепенулся Антошка и положил вил-

ку. — Неужели в Шанхае?

— А ты чего обрадовался? — удивился лётчик.

— Да у меня там...

— Что? Концессии, или фабрики? — рассмеялся Нездыймишапка. — Сознавайся, брат Антошка, не увилывай, — может, ты, чего доброго, капиталист? А?

— Нет, — серьёзно ответил Антошка. — Там у меня знакомый китаец есть: Ли-Чан.

И рассказал о зимнем случае у себя, в селе Ярушине, где он заступился за Ли-Чана. Потом порылся в боковом кармане и вытащил оттуда бережно сложенный листок бумаги, на котором стояли какие-то непонятные китайские каракули.

Лётчик покрутил листок в разные стороны и ничего не понял.

— Не при нас писано... — по деревенски пошутил он.

— Неужели в самом деле по этим трём словам любой шанхайский рабочий может указать, где найти Ли-Чана? — заинтересовался Микола.

— А вот увидим.

— Любопытно, — улыбулся Нездыймишапка.

Когда на следующую день «Джейгентик» вошёл в огромную гавань Шанхая, ребята удивились совершенно неожиданной величине этого города. Многоэтажные каменные дома тянулись по берегу на целые вёрсты. Десятки всяческих пароходов стояли на рейде, между пароходами сновали сотни лодок. Некоторые из лодок были очень большого размера, со странными парусами, сделанными не из полотна, а из деревянных дощечек. Такие лодки, как узнал лётчик, назывались сампанами.

По особому волнению в порту можно было понять, что в городе случилось что-то необычайное. Из отрывочных разговоров, которые удалось уловить на верхней палубе, стало ясно, что генерал Чан-Кай-Ши, один из видных военачальников национальной армии,

произвёл контр-революционный переворот, и что на улицах произошли жесточайшие казни рабочих и коммунистов. Публика с «Джейгентика» воздерживалась сходить на берег, но Антошка, Микола, Нездыймишапка и Сидоренко решили спуститься.

Город вблизи представлял собою вооружённый лагерь. Всюду стояли сторожевые пикеты. Не доходя до солдат, Антошка показал одному из портовых рабочих записку Ли-Чана. Рабочий взглянул, очевидно, сейчас же прочёл — и вдруг нахмурился. Он с подозрительностью оглядел остановившихся перед ним иностранцев, потом попятился и побежал без оглядки прочь.

— Что за чертовщина? — с недоумением пожал плечами Антошка.

— А ну дай другому, — загорячился Микола.

Через несколько минут дали записку молодому художавому китайцу, быстро шедшему по улице. Тот сверкнул из узкого косога разреза глухой чернотой своих глаз и переспросил по-английски:

— Комитет партии Гоминдан?

— Ты понимаешь!.. — дёрнул Антошку за плечо лётчик, ведя по-русски эти слова.

— Ловко! Как это мы раньше не догадались?..

— Да, да, — закивал лётчик китайцу. — Именно, Гоминдан. Нам нужен Ли-Чан, Ли-Чан.

Китаец отрицательно покачал головой, потом что-то затараторил на непонятном полуанглийском смешанном говоре, из которого лётчик понял только одно: в городе тревожно, и комитет партии Гоминдан в опасности.

Антошка несмело взял китайца за рукав и, указывая на записку, просительно произнёс:

— Ли-Чан... — Секунду помолчал, подумал и добавил с надеждой, что его поймут. — Нужно! Он мне друг. Очень нужно...

Китаец, не поворачивая головы, едва заметно скосил глаза

сначала в одну сторону, потом в другую, наконец, быстро сделал бровями неумовимый знак, многозначительно приподнял указательный палец правой руки, показывая этим, что необходимо соблюдать молчание и крайнюю осторожность, и решительно повернул в гушу города.

Итти было жутко. Всюду стояли группы вооружённых чанкайшистских солдат, которые задерживали тех, кто казался им подозрительным, и сейчас же отправляли куда-то под зловеющим конвоем. Особенно стало страшно, когда вышли на главную улицу города — Нанкин-род. Там на углу солдаты держали двух связанных китайских рабочих. В нескольких шагах от них валялся обезглавленный труп, и вся мостовая вокруг него была забрызгана свежей, ещё не засохшей кровью: это палачи Чан-Кай-Ши казнили кого-то по подозрению в принадлежности к коммунизму.

Сердце Антошки упало, ему стало невыносимо душно и страшно, точно он попал в зверинец, где все клетки были открыты, и исполненные ярости звери хищно вырвались в проходы для посетителей.

— Ребята, назад! — пересёкшимся от невыносимого смятаения голосом остановил Сидоренко. Он поблелел и посерел, как полотно.

Но было уже поздно. Со середины улицы к ним быстро бежали четыре чёрных от загара солдата. Увидев это, китаец, который вёл в Гоминдан, вильнул в сторону, как тень, как рыба в мутную глубину водных просторов, — и мгновенно затерялся, исчез в толпе.

Солдаты подскочили и окружили лётчика и Нездыймишапку. Они что-то кричали, свирепо скаля жёлтые крупные зубы, и тыкали пальцами в грудь задержанных.

Лётчик пробовал показать им заграничные паспорта, но они на них почти и не взглянули, знаками приказали повернуться направо и повели с Нанкин-род в какую-то боковую улицу.

Лётчик был ошеломлён и потрясён. Он сердито взглянул на Антошку:

— Дёрнула нас нелёгкая самим влезть в пасть к этим контр-революционерам!

Хуже всего было то, что солдаты вели куда-то далеко от центра города, на глухую окраину, по необычайно грязным и мрачным переулкам. Наконец, они остановились у низкого каменного дома и, посоветовавшись между собой, ввели путешественников во двор. Двор был узкий, тесный, заваленный мусором. В задней его стороне, примыкавшей к густо застроенным ветхим складам, тяжёлыми кирпичными боками тарачился какой-то дикий сарай. Солдаты втолкнули туда арестованных, заложили дверь толстым засовом и заперли на замок.

Потом слышны были их удаляющиеся шаги и довольный, хвастливый разговор.

— Что же это? — растерянно заметался Микола, и в голосе его зазвенели слёзы.

Лётчик нервно кусал себе губы и волновался больше всех, потому что, как взрослый, острее всех понимал весь ужас грозившей опасности.

Антошка бессильно опустился на землю и окаменело застыл, чувствуя себя главным виновником нелепого происшествия.

Лишь Нездыймишапка казался несколько спокойнее других.

— Ребята, — зашептал он, — там, на улице, когда нас загоняли во двор, я видел на противоположной стороне того китайчугу, который хотел проводить нас в Гоминдан.

— Ну?..

— И вот мне показалось, будто он...

— Что?..

— Сделал какой-то знак...

— Кому? Солдатам?

— Нет, нам.

— Какой знак?

— Нельзя объяснить: произошло это неуповимо быстро. Но я понял так: «Не робейте. Мы вам поможем...»

— Чорта с два помогут, — безнадежно выдохнул лётчик. — Чем они нам в этой крысоловке помогут?..

Никто ему не ответил. Мысли всех были спуганы и подавлены.

— А где у тебя эта злосчастная записка? — спросили Антошку.

— У китаЙца осталась...

Так в неизвестности и волнении прошло, вероятно, больше двух часов.

Вдруг в одном углу сарая, под старой трухлявой соломой, послышался шорох. Сначала робкий и нерешительный, шорох этот постепенно всё увеличивался и возрастал.

— Мыши проклятые... — поёжился брезгливо Микола.

— Не мыши, а крысы, — поправил Нездыймишапка. — Ишь, как орудут. Их тут, наверно, сила.

— Дай-ка я их поленом каким-нибудь садану, — воинственно поднялся Микола, ища глазами, чем бы можно было швырнуть в сторону шума.

Но в этот момент совершенно неожиданно оттуда раздался торопливый, приглушённый шопот:

— Дыруг!.. Жуков!.. Син моя дыруг...

Антошка вздрогнул, вскочил, будто его внезапно ударила молния. Он кинулся в угол и ахнул: там из-под соломы, из узкой подкопанной под стеной норы выглядывала голова Ли-Чана.

— Скоро, дыруг! Иди... Вида!..

Через несколько секунд лётчик, Нездыймишапка и Микола с лихорадочной поспешностью скрылись в норе вслед за Антошкой и китаЙцем.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ ВОЗВРАЩЕНИЕ

Опасность была настолько велика и серьёзна, страх перед произволом кровавого шанхайского генерала так глухо сжимал сердца, что беглецы ползли с ловкостью и быстротой изумительной. Они перестали чувствовать свои тела, боль царапин, ушибов, ссадин, — силы их были напряжены до последней степени и влекли вперёд. Целый ряд полуразрушенных складочных помещений скоро остался позади. Через огороды, канавы, заборы, крохотные сады и дворики Ли-Чан привёл Антошку и его спутников к небольшой белой фанзе на самом краю города. К величайшему своему изумлению, ребятам увидели в фанзе того молодого решительного китайца, который несколько часов назад согласился вести их в городской комитет Гоминдана. Он приветливо улыбнулся им своими чёрными горячими глазами. Ли-Чан искверканными полурусскими словами рассказал, что человек этот нашёл его в Гоминдане, передал записку и сообщил об опасности, грозящей молодым путешественникам, вздумавшим в незнакомом городе разыскивать Ли-Чана.

Оставаться в Шанхае после всего этого было невозможно. Почти по всему городу шли повальные обыски, и можно было в любой момент снова попасть в беспощадные лапы кровавых приспешников Чан-Кай-Ши.

Но как выбраться из города и куда?

Пароход, на котором путешественники утром прибыли в порт, конечно, ушёл дальше. Не мог же он стоять и ждать их возвращения... Сестра на другой пароход нечего было и думать, так как после бегства из-под ареста показаться на улице или в порту было бы беэзумием.

Ли-Чан долго совещался с молодым китайцем. Наконец, они остановились на каком-то одном определённом решении.

— Ты будешь умирал, — с улыбкой сказал Ли-Чан Антошке.
— То-есть как умирал? — не понял Антошка. — Я жить хочу.
— Ни савсем. — Нимножка умирал. И ты умирал, и ты умирал, и ты, — сообщил он по очереди Миколе, Нездыймишапке и Сидо-ренку.

— А если я не согласен? — недоверчиво вскинул голову Микола?

— Ни сагласен плохо — пухао. Нада сагласен.

Он вышел из фанзы и торопливо направился куда-то в город.

К вечеру Ли-Чан вернулся в сопровождении носильщиков, которые внесли во двор и составили у дверей фанзы четыре деревянных гроба.

— Ну, деняга есть, гроб есть, сампана тоже есть. Идём, дыруг, Владивосток.

Никто ничего не понял.

Тогда Ли-Чан, волнуясь, стал объяснять свой проект, единственно возможный, по его мнению, в создавшихся условиях. Проект заключался в следующем. Ни в одной стране так не почитается культ предков и вообще умерших, как в Китае. Несмотря на многие летние революционные войны и кровопролитную внутреннюю борьбу, трупы считаются священными, хоронить умерших разрешается всеми властями беспрепятственно. А так как умершие, по верованиям китайцев, должны быть похоронены по месту жительства своей семьи, то перевозка трупов в самых различных направлениях является обыденным делом, не возбуждающим никаких подозрений. Поэтому сейчас путешественникам лучше всего лечь в гробы и при этом твориться мёртвыми. Носильщики донесут их до рейда, где уже готова сампана. А на сампана вполне свободно можно доплыть до Владивостока.

— Что ж, ребята, правильно. Выбора нет, — сказал лётчик.

Ли-Чан и молодой китаец внесли гробы в фанзу. Путешест-

венники улеглись в них. Сверху гробы накрыли неплотными крышками с отверстиями для воздуха. Потом вошли носильщики, и похоронная процессия тронулась в порт. Носильщики двигались с зажёванными в руках разноцветными бумажными фонариками, народ на улицах почтительно расступался, вооружённые пикеты с равнодушным любопытством поворачивались к процессии, как к печальному мирному зрелищу.

Почаиваясь в гробу, во тьме и в жаркой духоте тесной деревянной коробки, слыша вокруг, за стенками гроба, негромкий гул гонора на чуждом, непостижимом языке, Антошка чувствовал себя, как в жуткой сказочной фантасмагории, которая неизвестно чем кончится. Шли очень долго, вероятно, не меньше часа. Когда к говору идущих стал примешиваться широкий плеск воды, мнимые покойники поняли, что их доставили в порт.

Погрузка гробов на сампану произошла очень быстро. Гробы составили в ряд и на протянутых верёвках развесили около них разноцветные огни маленьких бумажных фонариков. Послышался скрип уключин, мерная работа вёсел, и сампана выплыла в океан.

Минут через пятнадцать, когда миновали все суда и лодки, стоявшие на рейде, Ли-Чан снял с гробов крышки.

— Ну, дыруг, кончал умирал. Живи опять, пожалуйста, — говорил он каждому, освобождая его из узкой смертной клетки.

На лице Ли-Чана, смутно освещённом фонариками, светилась счастливая добрая улыбка.

«Покойники» вылезли, осмотрелись. Кругом стояла чёрная жаркая ночь, точно весь мир представлял собою одну сплошную тьму. Подобно распростёртым твёрдым крыльям неведомой птицы, сверху смутно виднелись высоко поставленные деревянные паруса сампаны. Огни фонариков вокруг гробов, уже снова заботливо закрытых крышками, были таинственно и загадочно прекрасны, точно сияние фантастических самоцветов.

Путешествие на сампане продолжалось пять дней. Когда на горизонте показывались встречные или обгоняющие пароходы, ребята снова залезали в гробы, чтобы на случай сторожевых и проверочных опросов Ли-Чан мог указать, что он везёт мертвецов для погребения на родине.

Перерезав Жёлтое море в наиболее узкой его части, обогнув Корейский полуостров, на шестые сутки утром сампана плавно вошла во владивостокский порт.

— Спасибо, дорогой Ли-Чан, спасибо, — крепко жал руки китаюцу Сидоренко. — Спас ты нас от беды неминуемой.

Антошка, Никола и Нездрымшапка на прощанье горячо обнимали своего друга.

— Никогда не забудем твоей помощи. Никогда! Ты нам, как брат теперь, — говорили они.

Ли-Чан был растроган и с мужественной теплотой похлопывал по плечу то одного, то другого.

Необыкновенно радостно было после множества всяческих испытаний снова почувствовать под ногами Советскую землю. Путешественники сейчас же отправились на вокзал и купили билеты в экспресс, отходивший вечером на Москву.

Сидя в вагоне, среди покоя, уюта и яркого электрического света, они чувствовали себя самыми счастливыми людьми в мире. Поезд, нёс их в родные места, домой, к чудесному радостному труду, который все народы на земле должен сделать братьями.

Содержание

Цена 80 коп.
Р

Глава	I. Кому достался лотерейный билет	5
«»	II. В глухом селе	13
«»	III. Розыгрыш	23
«»	IV. Путешествие начинается	34
«»	V. Без руля	46
«»	VI. Неожиданный союзник	61
«»	VII. В тропическом лесу	70
«»	VIII. Опять в воздухе. Аэроплан на лодках	80
«»	IX. Приключение на Ямайке	91
«»	X. Новые опасности	101
«»	XI. Возвращение	121

Прим. при оцифровке. Номера в Содержании даны как указано в бумажном издании (всего 128 с.). В электронном издании нумерация страниц не соответствует нумерации в исходном бумажном.

Благодарим:

<http://arch.rgdb.ru/xm1ui/handle/123456789/32183>

Склады изданий

Харьков, ул. Свободной Академии, 5. Тел. 10-07.

Москва, ул. Кузнецкий Мост, 5/21. Тел. 3-01-99 и 3-17-55